

Вера Кушнир

Строчки на белом листе

Вера Кушнир

СТРОЧКИ НА БЕЛОМ ЛИСТЕ

Стихи

Всем возлюбившим
явление Его

Вера Кушнир

СТРОЧКИ НА БЕЛОМ ЛИСТЕ

УДК 27-291
ББК 86.37
К 9

Кушнир Вера

К 9 Строчки на белом листе. Стихи. – К.: Свет на Востоке, 2010. – 192 с.

Поэтические произведения известной христианской писательницы и поэтессы Веры Кушнир.

Кушнір Віра

К 9 Рядки на білім аркуші. Вірші. – К.: Світло на Сході, 2010. – 192 с.

Поетичні твори відомоі християнськоі письменниці та поетеси Віри Кушнір.

Редактор Вальдемар Цорн
Корректор Елена Пеннер
Обложка Сергея Конторовича

Изд. № 01.169
ISBN 978-966-2089-34-9 (Укр.)
ISBN 978-3-939887-02-7 (Герм.)

ВВЕДЕНИЕ

Зачем еще один сборник? Я много думала об этом сама и, возможно, если бы положилась на свои чувства, никакого сборника не было бы вовсе.

С самого начала моей, если можно так выразиться, «поэтической карьеры» я очень неохотно печатала и читала публично свои стихи, всегда считая их чем-то чисто личным, сокровенным и даже не высококачественным. Но мой отец постоянно поощрял меня, во-первых, продолжать писать, а во-вторых, читать мои стихи на богослужениях. В результате у меня появились стихи для собраний, для публичного чтения в среде верующих, призывные, поучительные, назидательные, стихи-проповеди и, как некто выразился, «стихи богословские», т. е. основанные на библейских темах.

«Главное призвание писателя – нести людям правду, учить и воспитывать их»; «Каковы люди, таковы и книги, которые они пишут», – сказал Лихтенберг. Я писала и пишу то, что сама считаю правдой, сама пережила и прочувствовала. Прошлые мои три сборника нашли отклик в сердцах многих. Большим ободрением и поощрением для меня были строчки мастера акростиха Геннадия Панина:

«Ваш стих хорош своею простотою,
Его нельзя, встречая, не обнять:
Росой цветка сверкает благодать,
А где она – там отступает злое.
Как у ручья певучего весною,
У Вас такие ж чистота и стать.

Шум суеты умея покорять,
Небесного коснулись Вы душою.
И от меня, хотя их хор нестроен,
Рифм несколько прошу, сестра, принять».

Глубоко тронутая этим искренним излиянием, я ответила тоже акростихом:

«Похвал ни от кого не жду,
А от друзей и наипаче,
Но ветер ласковый подул,
И я от счастья чуть не плачу.
Никак не в силах промолчать,
Улыбку прятать не умея,
Спешу на отзыв отвечать
Поэту, строчек не жалея.
А он пусть примет, чем полно
Спасибо русское простое
Из сердца, где храню давно
Богатство Божие святое:
ОДИН ЛИШЬ БОГ ХВАЛЫ ДОСТОИН!»

«Неисчерпаемый источник» вышел в 1976 году и был технически неудачным, т. е. со множеством опечаток, плохим шрифтом, неровными гранками... Тем не менее и он послужил благословением и спрос на него не ослабел поныне ни в Америке, ни в России, ни в Европе, ни в Южной Америке, конечно, среди верующих.

За последние десять лет я узнала, что многие мои стихи не только попали на родину, но и в руки узников за веру, и что они переписываются и распространяются, становятся песнями, приводят грешников к покаянию. Все это послужило толчком к выпуску нового сборника.

«Венок сонетов» в конце сборника был вызван моей давнишней любовью к этой форме стихосложения (ее можно встретить в моих других сборниках). Другой причиной было то, что в сонетах и венках сонетов других

авторов (Шекспира, Бальмонта и советского поэта-писателя Владимира Солоухина) при всем их поэтическом совершенстве, до которого мне, безусловно, далеко, есть в лучшем случае только намеки на самое высшее и главное, а именно, поиски и нахождение Бога, а в моем мировоззрении это самое главное, ибо в этом вся суть жизни человека.

Апостол Павел сказал афинянам: «Бог... от одной крови произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли... дабы они искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас» (Деян. 17:26,27).

Только эта тема достойна того напряженного и кропотливого труда, которого требует именно эта форма поэзии.

Да послужит этот сборник стихов моим читателям духовным назиданием и благословением, и да затронет он струны многих сердец для славы Вдохновителя.

Автор

На белом листе синеватые строчки,
Как жилки на белой руке,
Как тонкие в детском ботинке шнурочки,
Как нити в скрипичном смычке.

Но жилки под белою кожей ручною
Тепло разливают и жизнь.
Шнурочки в ботиночках детской порою
Дразнили: свяжи, развяжи!

И нити смычка, пробегая по струнам,
Мелодии дивные ткут,
И вяжут, и тянут, и режут, и руны
На сердца скрижали кладут.

Ведь есть у всего на земле назначенье –
На строчках листа голубых
Ложится, рожденный небес вдохновеньем,
Ритмичный, осмысленный стих.

Январь 1985 г.

ЯЗЫК ЛАДОНЕЙ

Я гляжу на ладони мои –
Вижу сеточку линий на них,
Переплытых озер колыханье...
Вижу гор превзойденных гряды,
Вижу стежек-дорожек ряды,
Отдаленных зарниц полыханье.

На ладонях усталых моих
Отразился мой трепетный стих
И оставил свой пульс и дыханье.
И когда ты мне руку пожмешь,
Ты взволнованный стих мой поймешь,
Ощутишь его смех и рыданье.

На ладонях моих пролегли
Строк нестройных зигзаги, узлы
Слов, рожденных в слезах, и страданье.
Здесь остались изгибы траншей
От пера и от карандашей,
От упорного рифм созиданья.

Если добрые руки твои
Заключу я в ладони мои,
На которых вся жизнь отразилась,
Ты, наверно, поймешь, почему
Вдруг по сердцу всему твоему
От ладоней усталых моих
И от линий глубоких на них
Теплота разлилась, заискрилась!

1987 г.

ГОРЕ ОТ УМА

Можно писать бездумно,
Просто – слова под ноты.
Мне ж говорят: «Пишешь умно,
Слишком серьезно что-то...»

Не знаю, как и ответить:
Обидой или улыбкой?
Хотите стихов, чтоб петь их
С певучестью плавно-гибкой?

Чтоб не о чем было думать
И петь, как поется птицам,
Чтоб, если на слово дунуть,
Оно, как прах, разлетится?

Сказал Грибоедов как-то
(И я ли начну с ним спорить?
В нем ли искать недостатки?),
Что от ума лишь горе.

Прав он, ох, как же прав он!
Меньше бы знать и ведать!
Пользоваться бы правом,
Что сохранено невеждам.

С тех же, кто много знает,
Знание взяв у Бога,
В час, что невежд не пугает,
Спросится ОЧЕНЬ МНОГО!

Май 1977 г.

ПРОДЛИ...

Пс. 89:17

Где песенные взять слова,
Слова стозвучные,
Чтобы стихи из них слагать
Тебе певучие?
И сердца радость передать
Творцу спасения,
Кто жизнь дарил, и благодать,
И вдохновение!
Кто много лет меня хранил
В Своем служении,
Елей на раны мои лил,
Смирял брожение.
Несчетно в горе утешал,
Прощал бесчисленно...
Не обижал, не унижал
Ни вслух, ни мысленно!
А я то ровненько иду,
То спотыкаюся,
Скольжу порою, как на льду,
Вновь выпрямляюся.
Но как бы ни было со мной,
В одном уверена:
Своею оградит стеной
Мой Друг проверенный!
Благодарю, Господь, Тебя
За дар служения.
Ты сохрани его, любя,
Средь разложения.
Пусть будут пажити мои
Богаты злаками,
Чтоб души в небеса вошли
Живыми знаками.
Благослови усилье рук,

Их напряжение...
Во имя ран Твоих и мук,
ПРОДЛИ служение!

ПЕРЕДЫШКА В ПУТИ

Я забыла, когда я бывала одна,
Я забыла, что значит «вокруг тишина»,
Что никто не нарушит желанье писать,
Ни желание просто сидеть и мечтать,
Ни желанье молиться, хотя бы и вслух,
Не нарушит никто – ни противник, ни друг.

От давленья и шума устала душа,
Мозг устал оттого, что работал спеша.
Каждый мускул устал, каждый нерв и сустав –
Все об отдыхе просит, смертельно устав.
Как Ты милостив добрый, понятливый Бог!
Только Ты на ходу придержать меня мог

И заставить склониться в тени на привал,
Зная: загнанный зверь все бы мчался и мчал
И, расходуя сил не бездонный запас,
Подкосился б и пал в преждевременный час.
Ты помог мне замедлить убийственный ход,
Сам повел за Собою спокойно вперед.
Умудри, укрепи и пополни урон.
За покой же прими самый низкий поклон.

1980 г.

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылося...
Я запомнила то, что полезным заполнила.
Остальное туманом забвенья покрылося.

Я запомнила случай... Тот год был особенным.
Я девчонкой была восемнадцатилетнею.
Дождь осенний лупил по дорожным колдобинам
И по спинам у пленных хлестал, словно плетью.

Мне позволила жизнь улыбнуться тем пленникам,
Помахать им рукой, показать сострадание...
На них было клеймо: «Вы враги и изменники».
К ним улыбка моя не пришла с опозданием.

В каждом взоре печаль и тоска беспросветная.
Юность лиц не видна под щетиной небритою.
Но улыбка девчонки улыбку ответную
Все же вызвала в них... никогда не забытую.

Это мелочь, пустяк, но такими моментами
Наши лучшие годы земные отмечены.
Они высятся в сердце людей монументами,
Только их мы считаем святыми и вечными.

Все они в нашу память легли и осталися –
Кто-то хлеба просил, кто-то слов утешения,
С кем-то мы навсегда на земле распрощалися
И в слезах перед кем-то просили прощения.

Я запомнила год... В безысходном страдании
Мне явился Спаситель звездой путеводною,
Подарил мне спасение чрез покаяние
И бесплодную жизнь превратил в плодородную.

Я запомнила годы, что были полезными,
Что в служении ближнему были проведены;
Благодарные взгляды и руки любезные
Тех, кто были в болезни и горе проведаны.

Я запомнила годы великих возможностей,
Годы юности трудной и годы супружества,
Материнства блаженство и горестей множество,
Сладость близости кровной и близости дружеской.

Их прошло пятьдесят... Я не все их запомнила.
Я запомнила часть. Остальное забылося...
Слава Богу за часть, что полезным заполнила!
Слава Богу за жизнь, что в Христе мне открылася!

1976 г.

ПЕРЕМЕНЫ

За каждым поворотом что-то новое...
За дверью тайны новые видения.
Гляжу вперед восторженно, взволнованно.
Труда названье переименовано,
Но не переменилось направление.

Все та же устремленность назначения,
Все то же чувство срочной неотложности,
Все та же острота как ощущения,
Так и единой цели посвящения,
Все те же безграничные возможности.

В пути не раз менялось окружение,
Среда менялась, люди и условия,
Но не менялось с Господом сближение,
Ни жажда до последних дней служения
Достойному и жертв, и славословия.

Я перемену принимаю радостно,
С благодареньем и надеждой новою.
И поворот пути с нерезким градусом
Толкую для себя небесной радугой
И знаменьем того, что обетовано.

Январь 1980 г.

ЗА ТЕ ГОДЫ...

Иоил. 2:25

Бог допускает саранчу –
Опустошенье.
И я тогда к Нему стучу,
Прошу прощенья.
Но вновь приходит суховей
Безводной тучей.
Бог говорит: «Себя проверь,
Дитя, получше».
Проверив, вновь к Нему иду,
Убрав все злое.
Так тяжело нести беду
И боль простоя!
И слышу голос: «Излечу,
Пошлю спасенье.
Воздам тебе за саранчу
Благословеньем!»

1980 г.

ВРЕМЯ

Как-то совершенно незаметно
Тянутся, бегут, уходят дни.
Вот июль прошел... Проходит лето.
Жизнь проходит, гаснет тихим светом,
Мы летим, но, к счастью, не одни!

Мы летим с другими плечи в плечи,
А порою и рука в руке.
Тени все длинней, все ближе вечер,
Нас несет вперед попутный ветер,
Словно парус легкий по реке.

Тот поток ничем не остановим.
Время создал Бог, чтобы текло.
И течет... А мы глазами ловим
Свет в окне в плену земных условий,
Но тускнеет с каждым днем стекло.

Время – поезд. Дни летят, как вехи,
Все назад, назад, в глухую даль.
В мир забвенья навсегда, навеки,
Мчатся неудачи и успехи,
Мчится наша радость и печаль.

Только Тот, Кто здесь вот с нами рядом,
Только Тот, Кто делит наши дни,
Даже и холодным листопадом
Греет нас любви и дружбы взглядом,
Верностью прочней, чем у родни.

Только ради этой тесной связи,
Ради этой близости святой
Стоит жить, хранить себя от грязи,
И под небом из ажурной бязи
Отыскать свой прииск золотой.

В ПЛЕНУ ЧАСОВ...

(Мысли под Новый год)

В плену часов, рабами циферблата
Мы стали с ученической скамьи.
Вихрастые девчонки и ребята
Уже считали дни-часы свои.

Считали годы чуть ли не с пеленок:
Пять с половиной, шесть, почти что семь!
И рос в семье потомок-постреленок,
В расчеты лет запутанный совсем.

Календари в расчетах помогали.
На них всегда виднелись наперед
Все выходные, праздники... Кругами
Мы обводили их, ведя учет.

Потом часы назначенных свиданий,
Вторя биенью сердца в унисон,
Пугали нас возможным опозданьем
Или забвеньем, уносящим сон.

Часы томлений, долгих ожиданий,
Минуты счастья и блаженства миг
Слагались в жизнь из смеха и рыданий,
Улыбок, слез, разрывов и интриг.

Дни юбилеев, бракосочетаний,
Рождения и смерти дорогих
Оставили рельефность очертаний,
Неизгладимостью следов своих.

И врезалась навек на сердце дата
Сладчайшей встречи на пути земном,
Когда, признав греховность, виновато
Мы на колени пали пред Христом.

Совсем иное летоисчисленье
Мы начали с того святого дня,
Когда душою приняли прощенье
И искру от небесного огня.

Но счет идет... Мы все еще под небом
С размеренным движением светил.
И близок день, единый на потребу,
Когда Господь нас снова посетит.

И уведет в страну совсем иную,
Без циферблатов и календарей
И без понятий, что теперь волнуют,
Без пресловутых «позже» и «скорей».

Утратят смысл часы, недели, годы,
И прекратится времени учет.
С надеждою на этот вид свободы
Еще один встречаем Новый год!

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Моя жизнь – с препятствиями бег.
Гладкий – был бы малоинтересным,
Как без слез неинтересен смех
И без грусти песни, как не песни.

В радости хвалить Творца – одно,
А в беде – совсем другое дело.
Я души нащупывала дно,
Когда в лапах горя было тело.

Я ценю вернувшийся покой
Лишь за то, что был он мной потерян.
Дорожу Спасителя рукой,
Вырвавшей меня из пасти зверя.

Все беру усилием, в поту.
Ничего легко не достигаю.
За преграду рвуся, за черту,
Падаю, встаю, изнемогаю...

Смотрит память на препятствий ряд,
На преодоленные барьеры.
А вдали огни манят, горят
И зовут на испытанья веры.

И когда последний перевал
Позади останется пройденным,
Я по праву сделаю привал,
Богом данный от Него рожденным.

Ноябрь 1983 г.

ВЕСНОЙ

Повсюду веянье весны,
Теплом все дышит влажным,
И кофты больше не нужны,
Забыл пальто? Не важно!

Верба пушистит на дворе
Свои кошачьи лапки,
Стоит мимоза в январе
В пуховой, желтой шапке.

Прошли дожди, пал даже снег,
Хоть, правда, только где-то
Там, на горах, где пасть не грех
Ему и среди лета.

А тут внизу совсем весна:
Журчит вода в речонке...
Седая я, а чувств волна
Совсем, как у девчонки.

Какой-то трепет и тоска,
Какое-то волненье...
Глядеть не в силах свысока
На это пробужденье.

Быть может, час придет, что я
К весне остыну вовсе,
И стану равнодушная,
Всего увидев вдосталь.

Но признаюсь, что я молюсь,
Чтоб этого не сталось.
С весной в душе встречать стремлюсь,
Все, что еще осталось.

Пусть будет веянье весны
До смерти ощутимо.
Простите мне такие сны!
Ведь это же простимо!

ОН ЗНАЛ...

Мф. 26:30

Накрытый стол... Христос, ученики,
Хлеб и вино... Вечерняя прохлада...
Вдали мелькают в окнах огоньки,
А тут предатель с преданными рядом.

Так близок час предательства, суда,
Оставленности всеми, отреченья...
Христос призвал учеников сюда,
Чтоб суть открыть им Своего ученья.

Он им открыл, что плоти предстоит
Ломимой быть, а крови быть пролитой.
Он знал, что на Голгофу путь лежит,
Знал, что пойдет туда Один, избитый...

Пойдет туда оплеванный, босой,
Под крик толпы, насмешливой, жестокой,
И крест проклятья, тяжкий и большой,
Сам понесет на лобный холм высокий.

Он знал про гефсиманскую борьбу
И называл все это «горькой чашей»,
Но Сам избрал кровавую судьбу,
В виду имея искупленье наше.

И, зная все, душою ликовал.
«Ученики, воспев, пошли на гору...»
Я думаю, что Он им подпевал
В ту страшную и роковую пору.

Я думаю, Он вместе с ними пел
В сознании, что вот еще немного –
И СОВЕРШИТСЯ все, что Он хотел:
СПАСЕНЬЕ ЧЕЛОВЕКУ! СЛАВА БОГУ!

ОН ЖИВ!

Лк. 24:13

Бежали двое пыльною дорогой,
Волнуясь, задыхаясь, в Еммаус.
Душа болела, думая о многом,
Но центром дум был Друг их Иисус.

Событий потрясающих картины
Кружились в утомленной голове.
Но ярче всех – распятье Божья Сына
И мертвый взгляд полузакрытых век.

«Он умер. Нет Его. Он был изгнанник.
Куда пойдем? Как будем дальше жить?»
Вдруг к ним приблизился какой-то странник
И тихо начал с ними говорить.

«О чем, волнуясь, громко говорите?» –
Спросил спокойно, обращаясь к ним.
«Ты разве не слыхал о тех событьях,
Какие видел наш Иерусалим?»

И повторили, но еще с задышкой,
Все то, что пережили только вот.
Был близок вечер, и, достигнув крыши,
Спросили, может, Странник к ним зайдет.

И Он зашел. За ужин вместе сели.
Вино и хлеб, еще другая снедь...
Он поднял хлеб и преломил, чтоб ели,
И подал им, но так, как будут впредь...

И вдруг они Спасителя узнали
В движенье рук, в Вечере и в Лице...
Он жив! И в один голос закричали:
«Он жив! Он здесь в бессмертия венце!»

Да, Он воскрес, и смерть не удержала
Того, Кто путь, и истина, и жизнь.
О смерть, скажи, где ныне твое жало?
Ад, от победы лучше откажись.

Он жив! Он жив! И мы Его узнали.
Мы приняли Его в свои сердца.
Хвала Ему! Нет места для печали.
Мы вечно живы. Жизни нет конца!

Пасха 1984 г.

ПРОЗРЕНИЕ

«Тогда отверз им ум к уразумению Писаний»
Лк. 24:45

Можно слушать и не слышать,
Посмотреть и не увидеть,
Прикоснувшись, не поверить,
Сути дела не понять.
Вместе ели, пили, спали,
Вместе плакали и пели,
Вместе страны Палестины
Обошли за пядью пядь.

Иисус с учениками
Говорил неоднократно.
Говорил, напоминая
Все пророчества о Нем.
Говорил, что Он – Мессия,
Он – Спаситель, Он от Бога,
Что отныне загорится
Мир Божественным огнем.

«Я есмь путь, и жизнь, и правда»,
«Я есмь Свет и Божье Слово».
«Я умру и вновь восстану,
Чтобы грешных искупить...»
«Я пришел, чтобы разрушить
Сатанинский план лукавый,
Чтоб ногой на череп змея
Со всей силы наступить».

Все слыхали, все видали:
Исцеленья, воскрешенья,
Наставленья, насыщенья,
И прощение грехов!
Все слыхали и видали,

А когда Его поймали
Злые люди и распяли,
Всяк бежал – и был таков...

Все уныли, все забыли
Утешительное слово
О счастливом третьем утре,
О победе над грехом.
О победе над могилой,
Над врагом последним – смертью,
Над губителем едемским,
Лютым душ людских врагом.

Сам Христос открыл им очи,
Исцелил глухие уши,
Ум отверз для разуменья,
И огнем зажег сердца.
Мироносицы в восторге
Возвестили, задыхаясь:
«ОН ВОСКРЕС! ВОСКРЕС ИЗ ГРОБА
СИЛОЙ ВЕЧНОГО ОТЦА!»

Пасха 1979 г.

ЯВЛЕНИЕ ПРИ МОРЕ

Ин. 21:12
Пасхальный акростих

Хорошо рыбачить на рассвете.
Рыбаки закинули их сети,
И глядят во тьму из-под руки
С верою на сеть и поплавки.
Так всю ночь прождали терпеливо.
О, как было на душе тоскливо!
Сколько было пережито ими

В эти дни в святом Иерусалиме!
Он, Иисус, повешен был позорно,
Сам отдался в руки злых покорно...
Как они Его терзали, били!
Руки, ноги ко кресту прибили...
Еле-еле удалось им, бедным,
Скрыться от гонителей зловредных.

Вот они теперь опять рыбачат.
Он же мертв... И сердце плачет, плачет.
И глядят с тоской на побережье.
Свет зари едва заметно брезжит.
Там костер разведен. Светлый Кто-то
Им на завтрак приготовил что-то...
Невод полный вынесли на берег.
Уж не Он ли? И глазам не верят...

Верно, Он! Да как же? Неужели?
Он воскрес! Он жив! А мы робели.
Сколько раз Он говорил об этом!
Как могли забыть Его обеты?!
Радости их не было предела.
Ели рыбу, хлеб... А сердце пело
Славу Вечносущему Творцу!

ПАСХАЛЬНАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

1 • (Ин. 12:1–7)
ПРИГОТОВЛЕНИЕ К СМЕРТИ

До Пасхи оставалося шесть дней.
Иисус пришел в Вифанию к друзьям.
Чтоб будущее сделалось видней,
Учеников туда с Собою взял.
Вечеря приготовлена была
Руками Марфы, дельной, как всегда,
А Лазарь лег поближе у стола,
Где гости разместились кто куда.
Мария же, взяв мира целый фунт,
Помазала Иисуса ноги им
И волосами вытерла... И бунт
В душе Иуды поднялся, как дым:
«Какая трата!» – прошипел злодей.
Христос ответил: «Не мешайте ей...»

2 • (Ин. 12:12–15)
ВЪЕЗД В ИЕРУСАЛИМ

Наутро шел Иисус в Иерусалим.
Повсюду раскатилась весть, как гром.
Народ толпою повалил за Ним,
Кто как горазд: верхом или пешком...
Иисус же, водрузившись на осла,
Во исполненье древних слов о Нем,
В священный город въехал, где ждала
Его Голгофа с гибельным крестом...
Пока ж восторг толпы и веток хруст,
Одежд и листьев ласковый настил
И крик: «Осанна! Царь наш Иисус!
Давидов Сын, благословен еси!»
Иисус глядел на город и людей,
И слышал звук вбиваемых гвоздей...

3 • (Ин. 12:1–15)
УРОК СЛУЖЕНИЯ

Под праздник Пасхи, зная, что пора
Пришла Ему оставить этот мир
И отойти к Отцу, Иисус собрал
Учеников на тайный скромный пир.
И в час вечери, когда диавол мысль
Уже вложил Иуде, чтоб предать
Христа врагам, Иисусу Высший Смысл
Внушил урок служенья преподать.
Он снял одежду верхнюю Свою,
Взяв полотенце, бедра повязал,
Влил в таз воды и по обычаю
Гостям подряд всем ноги омывал...
«Я, ваш Учитель, ноги вам омыл.
Хочу, чтоб каждый так другим служил».

4 • (Ин. 13:21–30)
ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ

«Один из вас предаст Меня» –
«Не я ли. Господи, не я ли?»
Ученики, семья, друзья,
В тот час самих себя не знали.

И даже кроткий Иоанн,
Прильнув к груди Христа щекою,
Искал в своей душе изъян
И не имел в ту ночь покоя.

А тот, кто в темноте ковал
Убийства заговор за плату,
«Не я ли?» – тоже прошептал,
В вопросе том лукавство спрятав.

Дай верность сохранить, Христос,
Средь испытаний и печали,

Чтоб о предательстве вопрос
Не вызвал: «Господи, не я ли?»

5 • (Лк. 22:39–44)

ГЕФСИМАНИЯ

Иисус пошел с друзьями за Кедрон,
Где сад был Гефсиманский на холме.
Там отошел от них в сторонку Он
И преклонил колени в полутьме.
В борении душевном находясь,
Прилежнее молился пред Отцом,
И вместо пота кровь с чела лилась,
И капала на брови и лицо:
«О, если б, Отче, Ты благоволил
Мучений чашу мимо пронести...»
Но ангел Сына Божья укрепил,
И Он другое смог произнести:
«Пусть, Отче, воля будет не Моя,
А только и всегда, Твоя, Твоя...»

6 • (Лк. 22:47–53)

АРЕСТ

Еще Христос не кончил говорить
Ученикам, уснувшим от печали,
Как уж народ пришел Его схватить,
Злодея словно, с кольями, мечами...
Иуда шел открыто впереди,
Пообещав коварным поцелуем
Предать Христа, но Тот предупредил
Его поступок и идею злую:
«Иуда! Целованьем предаешь
Ты Сына Человеческого ныне?»
По телу вора пробежала дрожь,
Когда лобзаньем предал Божья Сына.
«Я каждый день учил и был прямым,
Но ныне ваша власть и время тьмы!»

7 ◆ (Мф. 26:34)
ОТРЕЧЕНИЕ

«Ты трижды отречешься от Меня», –
Сказал Христос Петру в предсмертный час.
«Пусть даже соблазнятся все, но я
С Тобой умру, не страшен мне соблазн!»
Боренье в Гефсимании, арест,
Допросы, издевательства, плевки...
Христу присужен был голгофский крест.
Бежали все, желаньям вопреки.
Бежал и Петр. О клятвах позабыв,
Во двор первосвященника проник,
Сел у костра, где слуги и рабы,
Руками к огоньку меж них приник...
Отрекся трижды он, костер потух...
И где-то близко прокричал петух!

8 ◆ (Лк. 23:1–16)
ПЕРЕД ПИЛАТОМ

И поднялося множество людей.
К Пилату Божий Сын был отведен.
Как улей, двор перед дворцом гудел.
Не будет Он теперь освобожден...
«Ты иудейский Царь?» – Пилат спросил.
«Ты говоришь», – последовал ответ.
«Распни Его!» – народ, крича, просил.
Пилат же медлил, не решался: «Нет...
Он не виновен в том, в чем в злобе вы
Сурово обвиняете Его...
Я не казню невинной головы...
Царя ужель распнете своего?».
Публично руки там омыл Пилат.
А Божий Сын был предан и распят.

9 • (Лк. 23:26–33)
РАСПЯТИЕ

И повели Иисуса распинать
На место, что звалось Голгофский холм.
Друзья пустились кто куда бежать,
Враги толпою шли за Ним пешком…
И Симон киринеянин помог
Крест донести избитому Христу,
А женщины, от слез не чуя ног,
На месте казни стали на посту.
Там был на крест кровавый вознесен
Целитель тела и души Христос.
Между двумя бандитами казнен
Был Тот, Кто свет во тьму земли принес!
А надпись на доске (как было встарь)
Гласила: «Сей есть иудейский Царь».

10 • (Лк. 23:39–46)
ШЕСТЬ ЧАСОВ

Он шесть часов висел на том кресте.
Разбойники висели с двух сторон.
Один хулил в бездумной простоте,
Другой вину признал – и был прощен!
Толпа бросала вызовы Ему:
«Других спасал? Себя не мог спасти!»
А Он Отцу молился Своему:
«Отец, невежд слепых в любви прости»…
Он мать Свою Иоанну поручил,
А ей сказал: «Отныне он твой сын».
И шесть часов подряд кровоточил,
Оставленный Отцом, совсем Один…
И под конец «СВЕРШИЛОСЬ!» – прокричал.
«Отец, прими Мой Дух», – и Дух отдал.

11 • (Мф. 27:60)
ПОГРЕБЕНИЕ

Иосиф, член совета, ученик,
Добрейший и правдивый человек,
Что Царство Божье ожидать привык,
Порой ночами не смыкая век,
Пошел к Пилату тело попросить,
И получил, и, сняв Его с креста,
Решил во гробе новом положить
В своем саду, где быть Ему под стать.
Но женщины пошли туда за ним
И видели, куда он тело клал...
Суббота наступила... Нелюдим,
Весь день второй сад будто бы проспал.
Не спалось только женщинам, они
Готовились пойти туда одни...

12 • (Лк. 24:1–9)
ВОСКРЕСЕНИЕ

Поутру очень рано, когда ночь
Еще вбирала блеск последних звезд,
А свет зари, пытаясь превозмочь
Остатки тьмы, рвался из туч вперед,
Пошли ко гробу женщины, как тень,
Тихонько пробираясь по тропе...
Печальные от траурных вестей,
Еще помазать тело не успев...
И видят свет и камень в стороне,
И ангел светлый, молнии светлей:
«Иисуса ищите? Его здесь нет!
Воскрес из гроба силою Своей!»
ВОСКРЕС ХРИСТОС! Скажите всем о том!
Все верные воскреснут со Христом.

1980 г.

РАЗДУМЬЯ МАТЕРИ

«При кресте Иисуса стояли мать Его, и сестра матери Его, Мария Клеопова, и Мария Магдалина». *Ин. 19:25*

Весь день стояла у креста
Оцепенелая, без силы...
Зажала до бела уста,
Не плакала, не голосила.

Опять, как тридцать лет назад,
Событья дней в душе слагала.
«Мой Сын распят... Мой Сын распят...» –
Беззвучно сердцем повторяла.

Между крестом и третьим днем
Пролег затишья промежуток.
Он душу поднял ей вверх дном,
Был для нее и благ, и жуток.

И память из прошедших лет
Картинки воспроизводила:
И Вифлеем, и Назарет,
И храм, куда Его водила...

Вот Он – Младенец на руках
В худом хлеву вдали от дома,
Где эхом прозвучал в веках
Впервые голос незнакомый.

Вот Он – подросток в мастерской,
Отца земного подмастерье.
В руках спорился труд мирской,
Росло заказчиков доверье.

Он чем-то влек к Себе людей,
Был для нее и них курьезом –

Кудрявый Мальчик – Иудей,
С миндалинами глаз серьезных.

Он рос, мужал и с каждым днем
Ей непонятней становился.
Молилась по ночам о Нем,
Чтоб дней грядущих не страшился.

О, сердце матери! Оно
Уже предвидело разлуку:
«Мой Сын земной и неземной.
Он радость мне несет и муку...»

Нагрянул неизбежный час.
Она весь день за Ним ходила.
Своих, от слез опухших, глаз
С Него тревожно не сводила.

Потом... В течение трех лет
Не счесть ночей ее бессонных!
Есть Сын... и все же Его нет,
Он – достоянье посторонних.

Он толпы учит и целит,
И речь Его мудра и властна.
Но сердце матери болит:
«Так говорить, как Он, опасно».

Не ей беду предотвратить.
Он был на муки предназначен,
Чтоб грех всемирный искупить.
Так почему же сердце плачет?

Так вот он меч, что Симеон
Ей предсказал в далеком прошлом!
Спасенье Божье видел он
В ее едва рожденном Крошке...

«Мой Сын земной и неземной...
Он Божий Сын и Агнец Божий.
Он Сын и Он Спаситель мой!
Смерть быть концом Его не может!»

Сидит в раздумьях долго мать.
Ей далеко не все понятно.
Все научилась принимать,
Приятно ей иль неприятно.

Она одна, и ночь темна,
И сердце судорожно бьется.
В просвет окна глядит луна,
Свет голубой по стенам льется...

Нашло предчувствие, как тень:
«С Ним что-то будет, что-то будет...»
Не знает, что на третий день
Отец Распятого пробудит!

ЛЕТНИЕ РАЗДУМЬЯ

Трепещет лист у пальмы на ветру,
Как легкий веер в пальчиках испанки.
Деревьям легче пережить жару
И солнечные знойные припарки.

А люди где-то умирают в зной,
И куры мрут, и скот ведут на бойню...
А мать, гуляя под руку со мной,
Вздыхает: «Сердце бьется перебойно».

Июль. Жара. Опять в цветах весь сад.
Еще полгода снова за плечами.
Сижу в тени, глотаю оранжад
Под струйки водной мерное журчанье.

Бежит водичка из кувшина вниз
На лилии в искусственном ставочке.
Верхушку в небо тянет кипарис,
Исчезла пчелка в чашечке цветочка.

Так хорошо! Такая красота!
Роптать ли мне на зной в такой усадьбе?
Ведь это сон! Заветная мечта!
Молюся лишь – ее не потерять бы.

Чтоб продолжалось так на радость всем:
Усталой маме, мужу, мне и детям,
Внучатам и друзьям, как звук поэм,
Написанных прославленным поэтом.

Закрыв глаза, лицо направив ввысь,
Сижу, молюсь, благодарю и плачу...
Как благ Господь! А вы, друзья, а вы
Кого благодарите за удачу?

Лето 1980 г.

ОСЕННЕЕ ОЧАРОВАНЬЕ

У осени свое очарованье.
Как женщину не портит седина,
Так ей к лицу природы увяданье.
А без того она, как не она.

В субтропиках она едва заметна,
Но все же есть. Я радуюсь тому.
Ведь мы похожи в нескольких приметах,
Известных нам и больше никому.

Она прекрасна в золотом наряде
С ковром из листьев пестрых под ногой.
Я с ней встречаюсь в утренней прохладе.
Такою близкой мне и дорогой.

Туманный саван покрывает горы.
Заря над морем в лиловатой мгле.
Весна и лето пролетели скоро.
Все пролетает скоро на Земле...

Мне сладок щебет птичий на рассвете
И дорог веток оголенных взмах
И листьев шепот о весне и лете,
О том, что после осени – ЗИМА...

Ноябрь 1982 г.

НОЯБРЬ

Ноябрь, и где-то, верно, выпал снег.
Ледок под ним лежит, как вор в засаде.
Ступнет в него нечайно человек
И в миг лишится важности во взгляде.

Поедут ноги накрест иль в шпагат,
И полетит в сугроб вороной шапка.
И будет вид комично-глуповат,
Как при подножкой вызванной посадке.

Но это где-то, а у нас не так:
У нас не то чтоб вечным было лето,
Но речи быть не может ни о льдах,
Ни о снегах, ни о колючих ветрах.

И месяца нет лучше ноября,
Безветренней, теплее и прозрачней.
Он каждый год спешит ко мне не зря
С поэзией, что лучших проз удачней.

Я не забыла прошлых ноябрей,
С их ветром, гололедом и снегами.
Но наш куда приятней и добрей.
Нам с ним легко, ему нетрудно с нами.

В моей судьбе давно царит ноябрь,
Спокойный и прохладный (но не очень).
Он зиму предвещает мне, но я
Продлить хочу ноябрьскую осень.

Еще успеет наступить зима.
Пусть подождет, повременит немного.
Мне уже слышен ее крыльев взмах.
А налетит, не буду спорить с Богом...

1983 г. (Ноябрь в Южной Калифорнии)

ОСЕНЬ

Осень. Вечный Художник разлил и разбрызгал все краски.
И пестрит, и кружится в глазах этот калейдоскоп.
Осень. В зеркале вод себя видит природа без маски.
И земля отдает до последнего плод свой и сноп.

Осень. Время раздумий и воспоминаний.
Год почти позади. Впереди Рождество, Новый год...
Осень. Время проверки пройденных путей и желаний.
Время вновь подытожить духовный расход и приход.

Осень. Сладкое, тихое, грустное время.
Золотая пора листопадов и серых дождей.
Время сбора плодов там, где было посеяно семя
От терновника, плевел, пшеницы, янтарных гроздей.

Осень. Время подумать о том, что и жизнь наша – семя,
Что мы можем по ветру рассеять ее наобум
Или в доброй земле для нее совершить погребенье,
Чтоб воскресла, истлев в ее временном, нужном гробу.

Осень. Мысли о жатве, о Боге, о жизни и смерти,
О зерне, что по смерти лишь много приносит плодов,
О Христе, что сказал: «На Меня посмотрите и верьте,
Что без жертвы и боли не будет плодов от трудов».

Будет только бесплодность, бесцельность и будет
бездарность.
Урожаи не тешат, не радует жизни итог.
Осень. Хочешь Творцу принести благодарность?
Сей и жни так, чтоб жатвой твоею доволен был Бог!

День благодарения, 1981 г.

«Dans ce trajet si court
de la branche a la terre…»
Cerano de Bergerac – Edmond Rostand

КОРОТОК ПУТЬ…

Короток путь от ветки до земли,
Осенний день печален, сер и мглист…
Безжизненно, как будто из петли,
Сорвался и упал на землю лист.

Момент разлуки был неуловим –
От ветки отломился черенок,
Как будто бы незримый херувим
Слегка его коснулся, дав толчок.

И ветер, как прозрачный парашют,
Понес к земле плавней, чем два крыла.
И лист забыл родных ветвей уют,
Забыл, какою жизнь его была.

Он перешел в иное бытие,
Отдался измерениям другим…
Так кончу я здесь странствие свое.
Дух запоет освобожденья гимн.

В какой-то день… осенний, может быть
(Мне Бог на это света не пролил),
Я оторвусь от жизни, чтобы жить!
Короток путь от ветки до земли.

Январь 1977 г.

ОСЕННИЙ ЛИСТ...

Как будто плачет виолончелист
Мелодией, что написал Франц Лист,
Когда, срываясь, пожелтевший лист
Летит к земле под ветра вой и свист...

Как будто молодой евангелист,
Священной Книги раскрывая лист,
Застенчив, неуверен, неказист,
Осенний на ветру трепещет лист...

Как будто постаревший пессимист,
Надежду потерявший фаталист,
В пустом концертном зале пианист,
Увядший лист последний раз – солист...

Как будто ветхой древности псалмист,
В глухом лесу под птичий пересвист
Осенний лист, до смерти мелодист,
До самой смерти, до конца – теист!

Сентябрь 1980 г.

ЛИСТЬЯ И СЕМЕНА

Нам осень раздает не только листья –
Она нам рассыпает семена.
И рыжая окраска ее лисья,
Как золото созревшего зерна.

Летят на парашютиках-пушинках,
Стреляют из коробочек, как дробь,
И падают на землю, как снежинки,
Беззвучную в ней вызывая дрожь.

Срываясь, листья на ветру кружатся,
Срываясь, тихо вьются семена
Все ниже, ниже, чтоб к земле прижаться
И лечь в нее для временного сна.

И под давленьем зерен невесомых
Покорно разверзается земля,
Чтоб выносить в своей утробе темной
И превратить в зеленые поля.

Бессмыслицы у Бога не бывает.
Сменяются у года времена.
Дожди весною землю поливают,
И плод приносят зерна – семена.

И знаю я, когда желтеют листья
И осень мне про старость говорит,
Что, сколько ни проси и ни молись я,
Зима придет и все преобразит!

И жизнь, что в сердце мне Господь посеял,
Когда-то расцветет и явит плод.
Ведь невесомое, невидимое семя
Во мне живет, живет, живет!

Октябрь 1984 г.

ЗИМНИЙ МАСКАРАД

Под Новый Год созрели апельсины.
Одежды зимней никому не надо.
Носи весь год костюм из парусины,
Срывай лимоны или авокадо.

Гуляй зимой в сандалиях, панаме,
Лежи на пляже в январе, как летом.
Смотри на чаек, говори с волнами,
Дыши морским, соленым, влажным ветром.

Срывай цветы (сезонные, конечно),
В саду срывай, а не в оранжерее.
Под кипарис садись, что зелен вечно,
Под фикус или лавр, что не стареет.

Покажется, что жизни нет предела,
Что миф – старенье, увяданье, слезы...
Пока увидишь, что зима раздела
Родные белоствольные березы,

Раздела липы, тополя и клены,
Сгустила облака над цепью горной,
И на вершину, и на склон зеленый
Спустила белый снег из тучи черной.

Тогда, ошеломленный откровеньем,
Придешь домой немного очумелый
И в первый раз в зеркальном отраженье
Увидишь тусклый взор и волос белый...

А во дворе созреют апельсины,
Одежды зимней никому не надо,
Но ты видал безлистые осины,
Ты не обманут этим маскарадом.

Январь 1977 г.

В ТУ НОЧЬ...

В ту ночь, когда на небе Иудеи
Звезды таинственной нездешний свет горел,
Слепец перевернулся на постели:
Ему приснилось вдруг, что он прозрел!

В ту ночь, когда до пастухов у стада
Донесся звук небесных голосов,
Глухой во сне дрожал от звуков града:
Ему приснилось, что он слышит вновь!

В ту ночь, когда в хлеву в объятьях мамы
Младенец льнул щекой к ее щеке,
Во сне калека шевелил ногами:
Ему приснилось – он бежит к реке!

В ту ночь, когда над только что Рожденным
Мария нежно наклонила стан,
Презренный улыбнулся прокаженный:
Ему приснилось, что он чистым стал!

В ту ночь, когда в руках Пречистой Девы
Младенец-Царь внимал ее устам,
Во сне еще не согрешившей Евы,
Блуднице снилось, что она чиста!

В ту ночь, когда в убогих яслях лежа,
Небесный Сын глядел на звездный свет,
В холодном сне, уже на смертном ложе,
Больному снилось, что могилы нет!

(С.Б. с англ.)

ВЕЛИКИЕ ПОИСКИ

Сменялись дни несчетно темной ночью,
Верблюды шли вперед неутомимо
По каменистой и песчаной почве,
Пересекая реки и долины.

Три седока, три мудреца с Востока
Настойчиво животных подгоняли.
Слова живые древнего пророка
Им дивное событье предсказали:

«Родится Царь в далеком Вифлееме...»
Они Его рожденья ожидали.
И вот звезда зажглась на черном небе
И поманила их в глухие дали.

Они нашли Того, Кого искали.
Ничто в пути их не остановило.
В улыбке хитрой Ирод зубы скалил,
С докладом во дворец просил зайти он.

Они ж ушли окольными путями,
Довольные, счастливые, как дети.
Не так ли и теперь бывает с нами,
Когда мы ищем Господа и встретим?

Глупцы идут дорогами кривыми,
Где бури воют, злые ветры свищут...
Звезда манит, горит во тьме над ними,
Но только мудрецы Иисуса ищут.

РОЖДЕСТВО

Снова елки в витринах, блестит мишура,
Дед Мороз с бородою из ваты...
Рождества с нетерпением ждет детвора,
Дни и ночи для них длинноваты.

Этот праздник вошел в обиход у людей
Своим светом из лампочек ярких.
Центром стал у него Дед Мороз-чародей,
Целью стали гостинцы-подарки.

А убогие ясли в овечьем хлеву
И Младенец, что в них был положен, –
Это все, как во сне... А сейчас наяву
Весь тот мир непонятен и сложен.

Но не вычеркнешь то, что свершилось тогда,
Пенье ангелов шум не заглушит.
И сияет, как встарь, над Младенцем звезда,
И ничто ее свет не потушит.

И поныне в пещеры убогих сердец
Она свет свой святой проливает,
И чудесною силой Небесный Отец
К новой жизни людей возрождает.

И рожденные свыше, живые сердца
Каждый год видят снова картину,
Как рука Всемогущего Бога Отца
Плоть дарует Единому Сыну!

Видят ясли в пещере, пречистую мать
И Младенца Христа на соломе,
Пастухов на полях, что спешат возвещать
О Рожденном в хлеву, а не в доме.

Мир погряз в мишуре, ослеплен суетой,
Снова елки сияют в витринах...
О, как нужен ему свет звезды золотой
И спасение вечного Сына!

Рождество 1978 г.

ЖИВАЯ ВОДА ВИФЛЕЕМА

В плену филистимском лежит Вифлеем.
Давид в Одолламской пещере.
Давно не снимает доспехи и шлем,
Он доблестен в деле и в вере.

Но пить захотелось однажды царю.
Колодезь в руках филистимских...
«Кого в Вифлеем за водою пошлю?
Друзей ли вернейших и близких?»

И вызвались трое пойти в Вифлеем.
Пробралися в стан перелеском...
Авесса их вел настороженно-нем,
Движений не делая резких.

Колодезь во вражеском стане нашли,
Воды из него зачерпнули.
И той же дорогой царю отнесли,
Хоть знали, что жизнью рискнули.

Но выплеснул воду на землю Давид
Всевышнему Богу во славу!
«Господь, сохрани, чтоб я мог ее пить! –
Кровь воинов верных и бравых.

Они полагали там жизнь за меня.
Как мог бы я выпить их воду?
Все трое, как та головня из огня,
Вернулись с водой на свободу!»

О царь, полководец, поэт и певец
С душой благородной, сердечной!
В Священном Писанье Небесный Отец
Оставил портрет его вечно.

Псалмы его дивные выше поэм.
Я плачу, пою, торжествую!
Творец Всемогущий сошел в Вифлеем
Добыть для нас воду живую!

Купить ее кровью Иисуса для нас
Из вражеских лап преисподней…
Текут благодарности слезы из глаз
На землю для славы Господней!

Октябрь 1979 г.

СВЕТ В КОНЦЕ ТУННЕЛЯ

Очами сердца видели пророки
И Богу посвященные мужи
Во всех делах Создателя уроки,
Во всех тернистых зарослях межи.

Водимые небесным, тихим светом,
Они сносили горе и беду.
Зиждимые Божественным заветом,
Ловили искры света на ходу.

На дне колодцев, ям, лощин, ущелий
Они впивались взором в небеса.
В конце глухих, извилистых туннелей
Вперед манила света полоса!

Она с веками ярче становилась,
Все шире, все доступней и светлей.
Вела, вела... и вдруг остановилась
Звездой лучистой посреди полей.

Над Вифлеемом – городом Давида,
Над хлевом скромным. Кто б подумать мог,
Что место без величия и вида
Для Сына Своего назначит Бог?!

И оправдались годы ожиданья,
И свет в конце туннеля не подвел.
К Спасителю от смерти и страданья
Он медленно, но верно мир привел.

В путях земных встречаются туннели.
Не все вопросы ждет прямой ответ...
Но песнь звучит, что ангелы пропели:
«Христос родился! В мир явился Свет!»

Рождество 1982 г.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ДЕКЛАМАЦИЯ

1 • Быт. 3:15

Он был обещан нам еще в раю.
О Нем Отец любви благовестил.
Бросая взгляд на хитрую змею,
Он ей слова такие говорил:
«Я между вами положу вражду –
Меж грешною женою и тобой.
Вражду, что родилась вот здесь, в саду,
Где был поступок сделан роковой.
Меж семенем твоим, коварный змей,
И семенем жены – навек вражда!
Оно придет в свой срок, тебя сильней,
И разразится над тобой беда:
Хотя в пяту ужален будет Он,
Ты в голову Им будешь поражен!

2 • Быт. 12:3; 17:19

Из Ура вывел Авраама Бог,
Сказав: пойди из дома твоего.
Исколесишь ты множество дорог,
Но станешь предком Сына Моего.
Я любящих тебя благословлю,
Злословящих навеки прокляну.
В тебе благословлю людей семью,
Тобой народ великий Я начну.
Бесплодной Сарре сына подарю,
И с ним завет наш снова заключу.
От чресл твоих рожденным быть Царю,
Внимай словам, которым Я учу!
Дрожал старик, не понимая слов,
Но исполнять их все же был готов.

3 • Быт. 49:8–10

У Иакова двенадцать сыновей.
Прекрасная, богатая семья.

Стадам числа нет, пастбищам межей,
Вода в колодцах, родниках, ручьях...
Отец обетований не забыл,
Что Бог дал до него его отцам,
Потом ему – Израилю – повторил,
Что в нем благословятся все сердца.
И он на смертном ложе сыновьям
Пророческое слово говорил:
«Иуда – лев! Отцом будет царям,
И от него законодатели,
Доколе Примиритель не придет.
И преклонится перед Ним народ!»

4 • Ис. 9:7; Дан. 9:24; Мих. 5:2

Пророк Исаия, темы той держась,
Сказал, как о свершившемся давно:
«Младенец дан нам, славный мира Князь,
Владычество на раменах Его.
Он крепкий Бог, Он вечности Отец,
Советник, Чудный, Сын... Его престол
Бог утвердит навек... Его венец
И Царство Он от Бога приобрел...»
Пророческие сроки уточнил
В своих писаньях мудрый Даниил.
А место исполненья утвердил
Пророк Михей, когда провозгласил:
«Ты, Вифлеем, хоть мал среди ста сот,
Владыка из тебя произойдет...»

5 • Ис. 7:14; Лк. 1:26, 27, 31

Лет за семьсот до исполненья слов
Через пророка Бог проговорил:
«У Девы будет Сын в конце веков,
И назовут Его Еммануил»...
Нить повести вошла в Новый Завет,
Евангелист Лука ее поймал
С момента, когда в город Назарет

Спустился ангел и пред Девой встал.
Мария чистой девушкой была,
Невестою Иосифа, святой,
И ангел ей сказал: «Ты обрела
Пред Богом благодать. Господь с тобой!
Дух осенит тебя, и ты зачнешь.
Рожденного Иисусом назовешь».

6 • Мф. 1:18–25

Легко сказать: «Сойдет... зачнешь... родишь.
И Сына Иисусом назовешь...»
Объяла Деву ночи темной тишь...
«Иосиф, неужели ты поймешь?»
Но ангел и к Иосифу пришел,
Когда уже готов был отпустить
Судьбе на прихотливый произвол,
Чтобы позор ее не огласить...
Бог так сказал Иосифу во сне:
«Прими ее, Пречистую, прими.
Она родит от Духа Сына Мне,
Я плод ее навек благословил...»
Иосиф понял, принял и не знал
Ее, пока отцом Младенца стал.

7 • Лк. 2:1–8

Свершалось слово, что сказал пророк:
Из Назарета в малый Вифлеем
На перепись пошел людей поток –
Иосиф и Мария на осле...
Она была уже в последних днях.
Застигнуть роды их могли в пути.
Народу тьма... Мария на сносях...
Гостиницу не так легко найти.
Стучали тут, потом стучали там.
Везде ответ: «нет места», «полон дом».
Нашелся хлев, – убежище скотам, –
И путники остановились в нем.

Смущенно Дева расстелила плед,
Прикрыв солому и овечий след...

8 • Лк. 2:6,7

Звезда струила благодатный свет
На хлев, где Дева Сына родила.
На вопль души в ту ночь дал Бог ответ.
Земля встречала то, чего ждала!
Иосиф, не вполне вмещая все,
Стоял склонясь над матерью-женой.
Мария трепетно Дитя свое,
К груди прижав, прикрыла пеленой...
Картина потрясающей была:
Семья святая: мать, отец, Дитя!
Звезда на них свой чудный свет лила,
Остановившись на своих путях.
Тянулась вдаль пророческая нить...
Ее никто не смог остановить!

9 • Лк. 2:8–14

В ту ночь на поле были пастухи.
В ночную стражу стерегли стада
От нападенья хищников лихих...
У них огонь, вода есть и еда...
Вдруг видят свет на темноте небес
И слышат пенье, шум и голоса...
Овец пустились прятать под навес,
Но ангел им явился и сказал:
«Не бойтесь, я вещаю радость вам,
Которая обрадует всю плоть:
Пойдите в город, в яслях скромных там
Лежит Младенец. Он – Христос, Господь!»
Небесный хор пел: «Слава в небесах!
Благоволенье на земле в сердцах!»

10 • Лк. 2:15–19

Бежать пустились в город сторожа,
Забыв стада, опасность, даже страх.

Искали ясли, где Христос лежал.
Пришли, нашли и замерли в дверях...
Все было так, как ангел возвестил:
Иосиф, и Мария, и Дитя,
И ясли, и соломенный настил...
Они ж ко дню Рождения – в гостях!
Увидев все, спешили рассказать
О том, что было им возвещено.
Свидетели Христа – ни дать, ни взять, –
В день, когда христианство рождено!
Кто слышал, тот дивился их словам.
Мария ж все слагала в сердца храм.

11 • Мф. 2:1–11

Когда же в Вифлееме Иисус
Родился в исполненье Божьих слов
И Бог над хлевом поместил звезду,
Ее лучи встревожили волхвов...
Они с Востока двинулися в путь.
Толкуя звезды, как бывало встарь,
Поняв звезды над Вифлеемом суть:
Под ней родился иудейский Царь!
Они с дарами царскими к Нему
Пришли, когда царь Ирод замышлял
Убить Младенца... Поклонясь Ему,
Домой пошли, хотя их Ирод ждал...
Они искали, и они нашли.
Христа находят мудрые земли.

12 • Лк. 2:22–39

И дальше нить спасения идет...
Ей не было начала, нет конца...
Мы засекли на ней наш эпизод:
Рожденье Сына – вечного Отца!
Мы вместе с патриархами ждали
Его рожденья, взор направив вдаль...
Пророков слово прочитав, учли.

Над исполненьем подняли вуаль.
Мы ангелов видали торжество
И пастухов смиренье и восторг.
Мы празднуем Христово Рождество!
Поет земля! Поет небес простор!
Мы поняли… У нас по телу дрожь.
А ты поверишь, примешь ли, поймешь?

Рождество 1980 г.

МЫ – ОДНО

Я подняла пораненного дятла,
С помятым ярко-красным хохолком
И с грудкою в кроваво-мокрых пятнах,
С повисшим вниз из клюва язычком.

Не знала, кто поранил ему грудку
И перья склеил, кровью обагрив.
Я видела – он ранен не на шутку,
Его себе в ладони положив.

И понесла его домой тихонько.
Он благодарно мне не возражал.
Глаза открыть пытался, как спросонку,
В тепле ладоней, как в лубке, лежал.

Под светом лампы возвратились силы.
Я ощутила его сердца бой.
Оно неровно, судорожно билось –
За перебоем, нервный перебой...

Вдруг сильный вздох – и все остановилось,
Безжизненно склонился хохолок,
Сердечко изнемогшее не билось,
За сизым веком спрятался зрачок.

И дятла пораженного не стало.
На белой тряпке – красное пятно...
Так умирали те, кого не знала,
Но все же со слезами провожала,
Быть может, потому, что мы – одно.

Ноябрь, 1983 г.

УРОК

«И посмотрел я, и обратил сердце мое, и посмотрел, и получил урок». *Притч. 24:32*

Утром бабочка пестрая,
Вся оранжево-черная,
С громким царственным именем:
Легкокрылый «монарх»,
В паутине запуталась
Между розой и терном.
Погибает красавица!
Помогите ей! Ах!

Трепыхаются крылышки,
А одно чуть надломлено,
Оба усика скривлены,
Тельце мелко дрожит...
И царица-красавица
Сразу стала бездомною –
Паутиной опутана.
Как теперь улетит?

Не расправить ей крылышек,
Хоботка не засунуть
В ароматных цветочков
Прохладный нектар.
Но порыв улететь
У нее не остыл еще –
Жизни дар перед смертию
Превращается в жар.

Я раздвинула веточки
Между розой и терном,
Паутину очистила
С чуть надломленных крыл.
И расширила их,
Будто что меня дернуло
Попытаться красавице
Возвратить жизни пыл.

Но на черной головочке
Или, может быть, шейке
Оказался громаднейший,
Весь мохнатый паук.
Разместился удобненько,
Как в саду на скамейке,
И душил свою жертву
Без петли и без рук.

Я стряхнула его,
Раздавила подошвою,
А красавицу нежненько
Посадила на куст –
Не терновый, а розовый,
Весь украшенный прошвою
Лепестков, наподобие
Чуть раскрывшихся уст.

И, как видно, красавица
Сверхприродно почуяла,
Что ее вызволение
Наступило в тот миг.
Она крылья расправила,
Их полетом врачуя,
И взвилась на надломленных
Крыльях своих.

Будет помнить красавица
Паутину паучью,
Будет вздрагивать долго,
Вспоминая о ней...
Ну, а я? Содрогнуся ли
От уроков полученных,
Что Создатель в любви
Преподал ей и мне?

Октябрь 1982 г.

УЛЫБКА КАПИТАНА

Корабль прибит к скалистым берегам.
Как птица, что в силки попала, бьется.
А на борту и шум, и крик, и гам,
И усмирить народ на удается.

Какой-то осмелевший пассажир
Решил пробраться к капитанской будке.
Скользя пошел, едва от страха жив.
Лицо, как мел, и тошнота в желудке.

Добрался к цели дальней кое-как,
Качаясь, спотыкаясь непрестанно.
Ему кричали: «Возвратись, чудак!» –
Но он хотел увидеть капитана.

А капитан, прикованный к рулю,
Спокойно направлял корабль в море.
Как будто буре говорил «люблю»,
Как будто людям не грозило горе.

И на один счастливый полумиг,
Одним движеньем шеи полугибким
К дверям, где бледный пассажир приник,
Оборотил лицо свое в улыбке.

И тот помчался, словно на пожар,
Под ветра вой по палубе отлогой
Туда, где страх всех пассажиров сжал
В комок дрожащий перед силой Бога.

«Все хорошо! Не бойтесь! – он кричал,
Хотя корабль качало детской зыбкой. –
Нас капитан выводит на причал!
Он там стоит с широкою улыбкой!

Я видел капитанское лицо.
Оно мне улыбнулося из будки!»
И страх разжал смертельное кольцо,
Убрал свой трепет леденяще-жуткий.

Нам во Христе улыбку дарит Бог.
В Его руках надежных судьбы наши.
Кто разглядеть улыбку Его смог,
Тому суровой бури вой не страшен.

ПРОЗРЕНИЕ

Нелегок путь. Унылый человек
Панелью шел, потупив очи долу.
Весь город жил, кипел, погружен в спех,
А он едва ступал от дома к дому.

И мысли все мрачней одна другой
Из темных тайников души всплывали.
Троллейбус посверкал ему дугой,
Из окон чьи-то руки помахали.

Он дальше шел и думал об ином...
Он верил в Бога, и в любовь, и в милость.
Но вот беда пришла в счастливый дом,
Незваной гостьей в нем расположилась.

«К чему, Господь? Что думаешь достичь
Вот этим страшным причиненьем боли?
Чему меня Ты хочешь научить?
Тебе на скорбь глядеть приятно, что ли?»

Он незаметно вышел на пустырь.
Строители там церковь воздвигали.
И он присел под пыльные кусты,
Чтоб хоть на миг забыть свои печали.

Невдалеке рабочий молотком
Ровнял и шлифовал какой-то камень.
Прохожий, этим зрелищем влеком,
Побрел туда несмелыми шажками.

«Что мастеришь? – рабочего спросил, –
Из этой неприглядной, серой глыбы?»
Рабочий с камня пыль рукой струсил
И обнажил все грани и изгибы:

«Гляди, вон там под шпилем, высоко,
Отверстие открытое зияет.
А тут вот под зубилом, молотком
Простая глыба контуры меняет.

Своей рукой по мерке и на глаз
Я камень здесь внизу тешу-ваяю.
К отверстию, что там вверху, как раз
По форме и размеру пригоняю...»

И отошел прохожий не спеша,
Просвет найдя во мраке дум печальных:
«Так вот зачем болит моя душа!
Благодарю, Ваятель Безначальный!»

ПЕРНАТЫЙ ПЛЕННИК

***«Сколько раз хотел Я собрать детей твоих,
как птица собирает птенцов своих под крылья,
и вы не захотели!»*** *Мф. 23:37*

Воробушек резвился в поднебесье,
Порхал, взлетал, парил в голубизне.
Свобода! Красота! Все звонче песни,
Все слаще жизнь и легче, чем во сне!

Но вдруг одним пикирующим махом
Он залетел в распахнутую дверь.
Охвачен неизвестностью и страхом,
Забился, как в силки попавший зверь.

То в стены он с разгону ударялся,
То в стекла окон, книжных полок ряд,
То к потолку с надеждою взвивался,
То в пол летел отчаяньем объят...

В груди сердечко больно трепетало,
Из клюва вырывался хриплый писк,
Летели пух и перья как попало,
А он метался на свой страх и риск.

И человек, захвачен этой сценой,
Глядел в бессилье, думая о том,
Как на свободу выпустить из плена
Несчастного с покрытым кровью ртом.

«О, если б он решился сесть мне в руку,
И перестал метаться и летать!
Как верный друг, его унял бы муку
И мог легко ему свободу дать».

Но воробей в паническом угаре
Не доверял вниманию людей.

И головой стекло окна ударив,
Сел на карниз один с бедой своей.

Когда ж еще пришли на помощь люди,
Единогласно было решено,
Что комната вся затемненной будет,
А свету дать отверстие одно.

И затянули наглухо все шторы,
Искусственный создавши полумрак.
На света сноп через дверные створы
Вмиг устремился наш пернатый брат.

И был свободен! Снова в поднебесье
Резвился, кувыркался, щебетал!
Еще сердечней стали его песни
После того, что с болью испытал.

Нам в горе Бог ладони простирает,
А мы своим хотим идти путем.
Тогда Он Сам нас мраком окружает,
Один лишь выход нежно оставляет
И ждет, пока на свет Его пойдем.

О БОЛИ

«Муж скорбей и изведавший болезни...»
Ис. 53:3

«И болезни уже не будет...»
Откр. 21:4

«Боли не прекращаются...»
Р. М. Березов

Не знали мы, что ли, о боли?
Нас болью кормили, питали.
Мы боль вместе с жизнью впитали.
Мы носим от боли мозоли!

На сердце, на теле, на духе
Остались, как борозды в поле,
Следы и нарезы от боли –
На вкусе, на зренье, на слухе...

Мы с болью бывали, как дома.
Привыкли, сдружились, слюбились.
Как с мачехой грозной, ужились.
Оскома от боли знакома!

У всех у нас разные роли.
Порою и разные цели.
Порой мы от боли в постели –
«И не прекращаются боли...»

Когда-то они прекращались.
Бывали просветы безболья,
Покоя, блаженства, раздолья...
Мы, болей не помня, смеялись.

А нынче они одолели!
Но есть и над ними победа:

Христос их до смерти изведал,
Чтоб в вечности мы не болели.

Сдадимся пред болями, что ли?
О, нет, никогда не сдадимся!
Мы в вечное Царство стремимся,
Где нет и помина о боли!

ДОБРЫЕ ЛЮДИ

Дождинки-капельки на землю падают,
Поля иссохшие их жадно пьют.
Нас люди добрые безмерно радуют,
Когда насущное нам подают.

На небе сумрачном вдаль тучи тянутся,
Им ветер северный – попутчик-брат.
Нам крепко дороги те, кто останутся
Друзьями-братьями среди утрат.

Деревья клонятся, трещат их веточки,
Подпорки ставятся, чтоб их сберечь.
Нам люди добрые родней, чем деточки,
Когда приятны их дела и речь.

Ручьями-струйками вода стекается,
Бежит по улицам, по стокам труб.
Так люди добрые в молитвах каются,
Души волнение стекает с губ.

Надежда-ниточка едва заметная.
Помочь бы нам ее не перервать.
Людьми быть добрыми – мечта заветная.
Не только брать уметь, но и давать.

МЫСЛИ У КАМИНА

Когда сижу в уютном НАШЕМ доме,
Под нетекущей, прочной НАШЕЙ крышей,
Когда ложуся спать не на соломе,
Считая теплых одеял излишек;

Когда от пищи стол почти ломится,
Не нужно думать, ЧТО подать на завтрак,
Иль просто, когда кто-то постучится –
Вчера, сегодня, даже послезавтра;

Когда сижу под лампой в мягком кресле
Возле камина, где трещат поленья,
Я думаю: а как бы было, если б
Мы вдруг лишились всех благословений?

И снова б мерзли, снова б голодали,
Как было там, в далеком нашем прошлом,
Которое не сгладилось годами,
Но в жизнь вплелось печальной, черной прошвой.

Была ли бы на сердце благодарность
Творцу за боль и жалость прозябанья?
Иль, отупев от жизненных ударов,
Мы все пустили б в ход на выживанье?

Ведь так и было: только б выжить, выжить!
(Вокруг все мрут от голода, как мухи!)
Оставить след и свое имя выжечь
На пепелище мировой разрухи.

Мы выжили, и наше имя выжгли.
Оставили на память поколеньям.
Мы опаленными ОТТУДА вышли,
Как из огня спасенные поленья.

И потому теперь, когда над нами
Не свищут пули, не вопят сирены
И мы сидим за прочными стенами,
Чуть в стороне от мировой арены,

Я, глядя на обилие покоя,
Обилие уюта, света, пищи,
Благодарю Творца, что дал такое,
А лучшего, признаться, мы не ищем.

И сидя в кресле мягком у камина
С пером в руке и чувствами поэта,
Я мысленно этап наш вижу длинный,
Не в силах слезы удержать при этом.

Декабрь 1983 г.

КРЫЛАТЫЕ ПЕСНИ

Крылатые песни нужны человеку,
Крылатые чувства, крылатые мысли,
Чтоб он устремлялся не книзу, а кверху,
В небесные дали, в надзвездные выси.

Земля так прекрасна! Она нас чарует
Полями, лесами, озерною гладью...
Но вечную жизнь только небо дарует,
Поэтому небо гораздо отрадней.

Пусть мир обещает земли улучшенье,
Устройство, порядок, отсутствие брани...
Не может он дать от греха избавленья,
А если грех будет, мир будет изранен.

Красивы печальные песни земные.
Сердечные струны дрожат от их звуков.
Небесные ж песни для духа родные –
Домой возвращают Адамовых внуков.

От песен земных часто слезы струятся,
Тоска пробуждается, тянет куда-то,
Какие-то мысли и чувства роятся,
И хочется мыслей и песен крылатых.

Декабрь 1983 г.

С ПОСЛЕДНЕЙ СКАМЬИ

Толкуй на языке простом,
Словами, чтоб я мог понять,
Как Он за нас шел со крестом
Кровь царственную проливать.

Не ясно что-то для меня
Значенье, пастор, слов твоих
(Не мыслю оскорбить тебя),
Произноси понятней их!

Я знать хочу, как доверять
Тому, Кто на кресте висел,
Чтоб жизнь из праха воссоздать,
Чтоб грех над мной не тяготел.

Ты говори по существу,
Чтоб душу удовлетворить.
А нет...
                Бог, помоги ему!
С другими буду говорить.

С.Е.Б. (С англ.)

ПОЧЕМУ?

В бесконечной Вселенной атомы –
Незаметные ты и я.
Восхищаемся здесь закатами
И восходами бытия.

Копошимся по-муравьиному.
Что-то тащим себе под кров.
Рады пению соловьиному
И мычанью в хлеву коров.

Мы романтики и философы,
Мы поэты и косари,
Мы красавицы русокосые,
Мы лихие богатыри...

Только все это в рамках узеньких,
Только все это там, где нос.
А земля наша – это бусинка
В ожерелье несметных звезд.

Но кипят наши страсти бурные,
Зло вцепилося в горло добру.
И светила небес, как дежурные,
Стерегут эту мишуру.

Почему из такого множества
Солнц, галактик, миров, светил
Нашу землю в ее ничтожестве
Бог всеведущий полюбил?

Почему эти жалкие атомы,
Неприглядные ты и я,
Можем сделаться вдруг крылатыми
И подняться в Его края?

Я – пылиночка незаметная –
Эту тайну едва ль пойму.
И в края те Его заветные
Понесу свое «почему».

МОЛОДЫМ

Мы слышим голос. Он мягче моха,
Он легче пуха, нежнее вздоха.
Он шепчет тихо: «Вот это плохо,
А это делай, вот это нужно...»
Тот голос в сердце, а не снаружи.
Когда мне было лет, может, двадцать,
Тот голос начал ко мне стучаться
И звать куда-то и беспокоить:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Ни на чей голос был непохожим,
Всех звуков в мире стал мне дороже,
Когда узнала в нем голос Божий.

Но голос сердца бывало все же
Я заглушала порой, и что же?
Он становился сильней и громче,
Как будто лодку покинул кормчий,
А всюду буря, и гром грохочет,
И сердце плачет и крикнуть хочет:
«Прости мне, Боже, что голос тихий
Я заглушала себе на лихо».
Хочу сказать я всем тем, кто молод:
«Не заглушайте духовный голод!»
Зовет вас голос средь бури воя:
«Иди за Мною... Иди за Мною...»
Не отвергайте тот голос нежный,
Ведь встреча с Богом всем неизбежна.
Пока вы юны, пока вы свежи,
Не заглушайте тот голос нежный!

ДВА СЛЕДА

На пыльных дорогах земли
Два следа оставленных рядом.
Мы здесь с Иисусом прошли,
Меняясь то словом, то взглядом.

Мне было всегда хорошо,
Когда Он уверенным шагом
Сквозь бури житейские шел,
Меня заражая отвагой.

Немало прошли мы вдвоем,
Следы на пыли оставляя,
Крутым был порою подъем,
Но рядом, усталая, шла я.

Когда же бывало невмочь,
И рядом шагать невозможно,
Мой Друг предлагал мне помочь
И нес на плечах осторожно.

Тому, кто за нами следил,
Следы наши тайну открыли:
В местах, где была я без сил,
Следы одинарными были.

И пусть не злорадствует враг,
На след одинокий взирая.
В крутых и высоких горах
Мой Друг меня нес в двери рая.

1979 г.

МЫСЛИ НА ПЛЯЖЕ

На мокром песке возле кромки воды,
Где видны творенья начатки,
Цепочками вьются кривые ряды –
Различных следов отпечатки.

Следов от больших босоногих ступней,
Следов от сандалий и кедов,
Следов от ракушек и рачьих клешней,
От птиц и собак-самоедов...

Здесь ходят и бегают люди и псы,
Здесь даже есть след от копыта.
Но ближе черта водяной полосы,
И скоро все будет замыто.

Я тоже прибавила след свой к рядам
Следов человечьих и птичьих,
Но к ним подбирается грозно беда
Стихий, ко всему безразличных.

Такие ль должно оставлять нам следы,
Что будут замыты, забыты,
Как те, что остались у кромки воды
От лап, от подошв, от копыта?

Неужто прочней нет на свете следов,
Ведущих нас к вечным просторам
От шума и гама земных городов,
От места борьбы и раздора?

Следы здесь оставили ноги Христа.
Идти б нам по ним и за ними.
И пусть наступает вода и беда,
Следы будут неизгладимы.

И кто-то другой их найдет и пойдет
По ним к тишине и покою.
Спаситель идет впереди и зовет:
«Возьми крест и следуй за Мною!»

ЗА ТОБОЮ ПОЙДУ

Ин. 6:68

За Тобою идти? За Тобою идти?
Ты идешь впереди на суженье пути.

И чем ближе к Тебе, тем теснее мой путь, –
Окунаюся в свет, окунаюся в суть.

И пылинки на мне в Твоем свете видней,
Словно горы во тьме, в блеске правды Твоей.

Прям отвес Твой, и вервь Твоя тоже точна.
Рядом с ними, поверь, я – кривая стена.

Я сжимаюсь в тоске, захлебнувшись в слезах.
Я на черной доске! Только стыд, только страх!

Но за кем мне идти? Но за кем я пойду?
Ты слова вечной жизни даешь на ходу.

Ты идешь впереди, и следы Твои – кровь...
А она – всепрощенье, до смерти любовь.

За Тобою пойду! За Тобою пойду!
У кого же еще всепрощенье найду?

Июль 1987 г.

НЕ ВСЕ ПРОЗРАЧНО

Прозрачны воды океана,
Прозрачны брызги у фонтана.

Прозрачен воздух по весне,
Прозрачна смолка на сосне.

Прозрачны крылья у стрекоз,
Прозрачны бусы ранних рос.

Прозрачны листья у берез,
Прозрачны струйки горьких слез.

Прозрачны горные ключи,
Прозрачны первые лучи.

Прозрачны очи у ягнят,
Прозрачны души у ребят.

Прозрачны стекла у окна,
Прозрачна легкая волна.

Прозрачна в заморозки ледь,
Прозрачна рыболова сеть.

Прозрачен его рыбный студень..
Но как же НЕПРОЗРАЧНЫ ЛЮДИ!

В РЕСТОРАНЕ

Сижу одна в китайском ресторане.
Когда одна, мечтаю быть с толпою.
Но вот, одна... Как это все же странно!
Когда с толпой, мечтаю быть одною.

Китаец вежливо подносит чайник с чаем.
В его глазах ни теплоты, ни света.
По-азиатски он непроницаем.
Все чувства под запретом и секретом.

А у меня с моей натурой русской
(Хотя я вид секретный напускаю),
Все на лице, все широко, не узко,
Глазами все секреты открываю.

То боль в зрачках, то огоньки улыбки
От музыки, что в ресторан ворвалась.
От звучной скрипки, все от этой скрипки,
Что так бесцеремонно разыгралась...

В глазах китайца все без перемены.
Я ж, овощи приправивши слезами,
Ловлю из супа вкусные пельмени
И душу спрятать не могу глазами.

Апрель 1983 г.

ГОРЕ-СОВЕТНИКИ

Случается – совет непрошеный
Друзья навязывают ближнему,
И тот совет, как камень брошенный,
В больное место бьет умышленно.

Так Иову многострадальному
Друзья внушали сердобольные
Безвыходность вины печальную
Советами их добровольными.

Кому нужны эти психологи?
Какая помощь в их стараниях?
Сказать бы им: «Эх, вы, псих-олухи!»,
А не терпеть от них страдания.

Сентябрь 1987 г.

ЗЕЛЕНОГЛАЗАЯ

У зависти зеленые глаза.
Змеиные, что видят даже ночью.
Мне говорят, что это, мол, буза,
Что, дескать, даром зависть я порочу.

Но опыт моей жизни показал,
Что я ничуть здесь не перегибаю.
Да, зависти зеленые глаза
Любовь и дружбу часто убивают.

Не раз дружить хотелось от души
С красивой и талантливой особой,
Дружить, как просто дружат малыши, –
Самозабвенно, искренне, до гроба!

Но разделять и радость, и успех,
И боль, и горе люди не умеют.
Таится зависть глубоко у всех,
И люди льстят, играют, лицемерят.

И гордостью приправленное зло
Завидует под маскою общенья.
Оно на крест когда-то увело
Христа – любви и правды воплощенье!

Соперничества дух терзает нас
И разбивает дружбу, братство, браки.
Живет прищуренный зеленый глаз.
Не говорите мне, что это враки.

Февраль 1985 г.

ПЕРЛЫ МУДРОСТИ О ЯЗЫКЕ

«Бескостный наш язык и слаб, и мал,
Но убивает и дробит», – так грек сказал.
А турок заявил: «Сильней, чем меч,
Язык орду любую может сечь».

Персидская пословица гласит, что
Длинным языком смерть раннюю
Болтливый пригласит.

А иногда другой у притчи оборот,
Но авторы ее и так и сяк правы:
«Смотри, чтоб языком своей бы ты
Не срезал головы».

Китаец говорит, что «Быстрота словца
Нередко обгоняет жеребца».
К чему араб прибавил так впопад:
«Язык в душе хранит великий склад».

Евреев мудрость в принципе таком:
«Ногой споткнись, но лишь не языком».
Священный автор все в одно собрал:
«Кто обуздал язык, тот сердце обуздал».

(С англ.)

ОСТРЕЙ МЕЧА

Язык мой рану ближнему нанес.
Я попросил прощенья. Получил.
Но был нарез глубок и вред – до слез.
Из раны долго брат кровоточил.

Слова мои казались пустяком.
Я оправдал их: правду, мол, рубил!
Но брата взор не блещет огоньком...
Боюсь, что сердце я ему разбил.

Глубок нарез, и так придавлен дух!
Лишь кровь Твоя способна починить.
Души бальзам, смягчи коварный звук,
Что рану смог такую причинить!

Пусть мой язык любовь начнет дарить,
Ее, как дар, у Бога получив.
Лишь Тот способен слово освятить,
Кто Сам есть Слово и вовеки жив.

О Слово Божье, о любимый Сын!
Очисть мое уродство, Бог любви!
Ты слов моих и жизни Господин.
О, подними, цели́, благослови!

И, может быть, что милостью небес
Израненное сердце заживет.
Загладятся следы, затянется нарез,
И прошлое любовью зарастет.

(С англ.)

РУКА ЛИЦЕМЕРЬЯ

Нам хочется верить, и трудно не верить,
И дня невозможно прожить без доверья,
Но между людьми закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

Поступками правду опять распиная,
Хвостом заметают, что ртом говорится,
И жизнь их такая кривая, двойная,
Как жало у змея, двоится, двоится...

Окрашенным гробом, снаружи красивым,
Христос называл в Свои дни лицемеров.
И книжников, и фарисеев спесивых
Поставил для нас негативным примером.

Он много народ упрекал за неверье,
За гордость, что служит паденью началом,
Но больше всего порицал лицемерье,
И слово Его очень строго звучало.

«О, горе вам! Горе вам!» – слышалось часто
По адресу тех, кто душою кривили,
Но черствая совесть была у горластых,
И правду они ко кресту пригвоздили.

Так хочется верить, и трудно не верить,
И, кажется, дня не прожить без доверья.
Но часто в сердца закрываются двери
Рукой лицемерья, рукой лицемерья...

Сентябрь 1977 г.

ГОРДОСТЬ

Как косточка в носу гвинейца
Ему значенья придает,
Так ордена у европейца
Ведут его заслугам счет.

И так же неуклюже, лишне
Они всем напоказ торчат,
Как шариков размера вишни
У дикаря под кожей ряд.

Задавшись целию одною,
То и другое – статус, знак.
Гордится человек собою:
Гвинеец костью носовою,
А наш брат грудью в орденах.

Но в сути нечем нам гордиться.
И он, и мы – пылинка, прах!
Но с этой мыслью примириться
И перед истиной смириться
Мешает гордость. Просто страх!

Сентябрь 1987 г.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

«Советую тебе купить у Меня золото...» *(Откр. 3:18)*

«Скупайте золото! Скупайте золото!
А на худой конец – и серебро!» –
Лукавый панику вбивает молотом
Народу в голову и под ребро.

Бумажки долларов – трава зеленая –
Грозит соломой стать, как никогда.
И атмосфера накаленная
Волною хлынула на города!

«Скупайте золото! Скупайте золото!» –
Вопль лихорадочный пронзает мозг,
По спинам катится полярным холодом
На санках ужаса, как эскимос.

Болезнь заразная, инфекционная
И паству Божию не обошла,
И лихорадочность аукционная
В неутвержденные сердца вошла.

А Слово Божие, как прежде, дорого,
Как встарь, отчетливы слова Петра:
«Ведь мы искуплены не тленным золотом,
А кровью Господа, без серебра».

У храма нищему, хромому отроду,
Сказал уверенно все тот же Петр:
«Нет серебра у нас и нету золота,
Но сила Божия тебя спасет!»

Давида слов запас из сердца высечен,
Он славит Господа уже с утра:
«Законы уст Твоих мне лучше тысячи
Литого золота и серебра!»

А Иов страждущий вопил в отчаянье:
«Опоры в золоте я не искал!
И на сокровище средь испытания
Надежды трепетной не полагал».

Господь Двенадцати в любви советовал,
Когда служения пришла пора:
«Идите запросто, легко одетые
В ваш путь, без золота и серебра».

Нам слава добрая дороже золота,
И мудрость Божия ценней всего.
Кровь Сына Божьего недаром пролита –
Грех очищается в крови Его!

«Скупайте золото! Скупайте золото!
А на худой конец – и серебро!»
Да только золото спасет не скоро-то.
На зло копят его, не на добро.

ВЕСТИ

Новости хоть вовсе не смотри,
Вовсе не читай их и не слушай.
Ужасы с зари и до зари,
Как удава кольца, землю душат.

Человек стал человеку волк.
Стал? Иль, может, мы волками были?
Когда голос Авеля умолк,
Руки брата голос тот убили.

«Мир!» – кричим, а мира нет да нет.
Может, оттого что Тот оставлен,
Кто дарует мир и без ракет,
Без побоищ и враждебных армий?

Может, оттого что человек
Ослеплен техническим прогрессом,
А Благую весть любви отверг,
Спрятал где-то под пудовым прессом?

Кто-то прав, и кто-то виноват,
А пока все видимо страдают.
Мир в грехе, весь мир грехом чреват.
Может, потому он грех рождает?

Миллионы Истину нашли,
Но во тьме другие слепо бродят.
Может, обитатели земли
Плохо ищут – вот и не находят?

А она сияет издали
И манит своим теплом и светом.
Жители страдалицы Земли,
Истина пред вами, а не где-то!

И она – ответ на ваш вопрос
О свободе, мире и покое.
Истина – Спаситель наш Христос,
Наше счастье, да еще какое!

Мир устал от жутких новостей.
Репортеры злое предвещают.
Весть звучит прекрасней всех вестей:
ВО ХРИСТЕ БОГ ГРЕШНИКОВ ПРОЩАЕТ!

Ноябрь 1963 г.

«Отдайте Бога мне,
Отдайте, что вам в том?
Каким Он будет, совершенно безразлично,
Верните мне Его, возьму в любом обличье –
Кому-то надо помолиться перед сном».
Александр Розенбаум

ОТВЕТ НА ВОПЛЬ БАРДА

«Отдайте Бога мне!» – кричит охрипло бард,
К безбожной власти устремив воззванье.
«В любом обличье» был бы Богу рад
Ограбленный, лишенный содержанья.

Но Бог не отнят! Он, как прежде, есть!
Беги к Нему! Бери Его руками!
Его нельзя отнять, как совесть или честь.
Он жив. Он наш. Он в нас. Он с нами!

Создатель вечный не настолько прост,
Чтобы Его могло отнять созданье.
Пройдут года, и рухнет «красный мост»,
Построенный на шатком основанье.

А Бог, как был, так будет вечно впредь,
Когда о «тех» не будет и помина.
Он создал воду, сушу, звезды, твердь
И человека сотворил из глины.

«Верните мне Его!» – вопит истошно глас.
Так значит, позарез тебе Он нужен.
Ну, так в чем дело? Принимай сейчас!
Дверь распахни и приглашай на ужин!

Стучась, стоит Он у твоей двери.
Впусти Его в сердечные покои.
Не нужно петь о Нем и говорить,
А нужно взять, чтоб вечно быть в покое.

Кто запретит молиться перед сном,
Когда душа в молитве к небу рвется?
Молись спросонку, вечером и днем,
Во сне молись... молись, когда придется...

«Верните мне Его!» – вопишь, как о родном,
Так жизнь отдай Ему, других зови туда же.
Для красного словца не говори о Нем.
Уж слишком Он высок, и свят, и важен.

Июль 1986 г.

«МИР МИРУ»

(Советский лозунг)

«Мир Мой даю вам...» *(Ин. 14:27)*

С чего бы это «миролюбие»?
С того ль, что не забылось бедствие,
Что вызвало почти безлюдие
В рядах защитников отечества?

Ищи сегодня виноватого
В том, что бежало ополчение,
Страной забытое, проклятое,
До дна испившее мучения.

Не обвинять же им «мудрейшего» –
Их партию в миниатюре –
В том, что погибли дети, женщины,
Не выжив на червивой тюре!

В том, что плененных красных воинов
Никто не защищал под стужами.
Печать предательства присвоили
Безропотно, как что-то нужное.

Семьдесят лет прошли в мучениях,
И на костях росла империя.
России нужно искупление!
А гласность – форма лицемерия.

На преступленьях преступления...
Когда-то разберет история
И закричит до исступления,
С собой в бессильной злобе споря.

Пока ж, конечно, «миролюбие»,
Плакаты, лозунги и статуи.

Цветет рассадник душегубия,
Растет и ширит свои стадии.

Под флагом мира злоба сеется,
Вражда и, как всегда, безбожие.
И липкой паутиной стелется
Тропинка в тьму и бездорожие.

«Мир Мой даю Я свыше, люди, вам...»
Не так, как мир, дает Сын Божий.
Какое ж в мире «миролюбие»
Сравниться с этим МИРОМ может?

Январь 1987 г.

МЕЧТЫ О МИРЕ

На просторах земли бушевала война.
Захлестнула все дали и шири.
Мы шатались от голода, как от вина.
И мечтали, мечтали о мире!

Мы питались мякиною и шелухой
И совсем позабыли о жире.
Хлеб с опилками ели (на вид неплохой)
И мечтали, мечтали о мире!

Те, кому привелось в лагерях побывать,
Кого гнали туда конвоиры,
Вспоминали и будут всю жизнь вспоминать,
Как мечтали, мечтали о мире!

Между мужем-женой неполадки порой.
Дети ссорятся в каждой квартире...
Отвлекаются люди трудом и игрой
И мечтают, мечтают о мире!

Недостатки в характерах мучат, гнетут,
Навалились, как тяжкие гири.
Все страдают от них, неохотно несут
И мечтают, мечтают о мире!

На работе с людьми нелегко иногда.
Как смолчать скандалисту-задире?
Но молчим, чтобы ссор избежать и суда,
И мечтаем, мечтаем о мире!

Поклоняются люди тому и сему,
Строят жизнь на бездушном кумире.
А душа их пуста (не поймут, почему)
И мечтают, мечтают о мире!

На всех уровнях жизни и в каждой стране
В нашем, в звездах затерянном, мире
Люди с дрожью в душе говорят о войне
И мечтают, мечтают о мире!

Обсуждается мир президентами стран
В Вашингтоне, Москве и Каире.
Слово «мир» нам несут и печать, и экран.
Все мечтают, мечтают о мире!

Мир на землю сошел в ярком блеске небес,
В пенье ангелов в звездном эфире.
Он ходил между нами, страдал и воскрес!
Где Его отвергают, там злу перевес
И напрасно мечтают о мире!

Он сегодня стучится в людские сердца.
Распахните их, люди, пошире!
Кто Его принимает, счастлив без конца
И уже не мечтает о мире!

«В Каире убит Садат...»
«В Лос-Анжелесе молодая мать убила ребенка...»

ПОД ТУЧАМИ ТЕРРОРА

Подстрелен Рейган... Ранен Папа Римский...
Убит публично наповал Садат...
В Иране мусульманско-террористский
Царит режим... Кто штатский? Кто солдат?

Чья очередь сраженным быть внезапно?
Кого шальная пуля подкосит?
Чья кровь оставит на панели пятна,
Каких не выжечь, не стереть, не смыть?

Кто огражден? Кто прочно безопасен?
Куда бежать? И есть ли на земле
Страна, где человек не столь ужасен,
Чтоб жизнь текла во свете и тепле?

Нет стран таких. Пока не умер Каин
В сердцах потомков первых двух людей,
И грех живет, сроднившись кровно с нами,
Не будет безопасности нигде!

И будет брат разить во гневе брата,
И будут люди всуе умирать,
Убитые свинцом из автомата
Иль от ножа в груди по рукоять.

Убитые на фронте, иль в застенке,
В ГУЛаге, на этапах, в поездах,
В газкамерах, на «стуле» иль у стенки,
После суда иль вовсе без суда...

Убитые дубиной иль лопатой,
В пожарах революций или войн.

Сегодня терроризм сразил Садата,
А завтра, может, твой черед иль мой?

Грабители на улицах и в парках.
Убийцы в семьях за замком дверей:
Младенца бьет до смерти мать-дикарка,
Или отец хищнее злых зверей.

Террор схватил за горло мир и душит.
От смерти тела не спастись нигде.
СПАСАЙТЕ ДУШИ! НЕ ТЕЛА, А ДУШИ!
В КРОВИ, ЧТО ГРЕХ РАСПЯЛА НА КРЕСТЕ!

Октябрь 1981 г.

РОКОВОЕ ЗАБЛУЖДЕНИЕ

Кто-то сказал: «Через десять лет
Бога убьем, заживем на славу!»
Но оказалось: простыл их след,
А Бог живет, как ни в чем не бывало.

Кто-то сказал, что за жизнь его
Всякая память о Боге сотрется.
Но оказалось: Бог – ничего,
А о том не помнят, как и зовется.

«Мы популярней Иисуса Христа!» –
Вдруг возомнили горластые «битлы».
Но группа рассеялась дочиста,
А тот, кто сказал так, лежал убитый.

«Что нам пророчества? Бога нет.
Библию люди простые писали...»
Но оказалось, что в ней секрет
Жизни и смерти, а те не знали.

И повели слепые слепых,
Вместе направив шаги к обрыву.
Это психоз ослепленной толпы.
Эта болезнь подобна нарыву.

Пусть же прорвется и заживет.
Пусть ослепленные чудом прозреют.
Бог ведь живет. Он вовеки живет!
Пусть же народ это уразумеет!

Декабрь 1983 г.

НЕПРИЗНАННЫЕ

Лк. 4:30

«Пророка нет в отечестве своем».
Нас ценят больше те, кто нас не знает.
Велик в Израиле голода объем,
Но Бог в Сидон пророка посылает.

И прокаженных много знал Израиль,
Но Елисей очистил Неемана –
Сирийца, что пророка в нем признал,
Не видя ни подвоха, ни обмана.

И в синагоге назаретской люд
Шептался, переглядывался, злился.
И вывел Иисуса на скалу...
А Он, пройдя меж ними, удалился.

Поступок Иисуса громче слов:
Не признают, уйду к другим отсюда.
А то, что удалился средь голов,
Ведь тоже было настоящим чудом!

Сентябрь 1987 г.

ГРЕХ УПУЩЕНИЯ

У нас у всех возвышенные цели,
Возвышенные мысли и стремленья.
Поспела жатва, нивы побелели
Здесь, на земле, а не в небес владеньях.

Здесь, на земле, нужда и смертный ужас,
И далеко совсем ходить не надо.
Бальзам для ран соседям нашим нужен,
Друзьям, родным и нашим кровным чадам.

А мы душою в облаках витаем,
Питаем души чистым Словом Божьим,
А миллионы землю покидают,
Затоптанные в прахе придорожном.

Мы мимо шли, но заняты собою,
Ввысь устремляли взоры наши – к Богу,
Довольные счастливою судьбою,
Нашедшие спасения дорогу.

«Я вас не знаю, отойдите, злые! –
Так прозвучат слова Христа с упреком. –
Вы, исходив дороги все земные,
Не претворили в жизнь Моих уроков.

Не накормили и не обогрели,
Не посещали и не врачевали.
К чему Мне ваши благостные цели
И лозунги на золотых скрижалях?

Мне нужно сердце, преданное ближним,
В любви нелицемерной, не для славы.
Смиренный труженик, живой подвижник,
А не ленивый, только в слове правый.

Прости, Господь, нам наше фарисейство,
Самодовольство наше, самомненье.
По милости Твоей в одно семейство
Ты нас собрал, нам даровав спасенье.

Дай помнить нам, что время быстротечно,
Что некогда сидеть сложивши руки,
Что верный раб с Тобой пребудет вечно,
Не избежит ленивый вечной муки.

В ТЕНИ

Нельзя бояться черного труда,
Простейшего, скромнейшего служенья,
Бояться, что кому-то руку дал,
Помог кому-то в трудном положенье.

Стакан воды кому-то протянул,
Подушку взбил, поправил одеяло,
Плечом к плечу усталому прильнул...
Великое всегда творится в малом.

Не всем дано за кафедрой стоять,
Провозглашая Божии глаголы,
И тысячной толпе благовещать,
Окончив курсы богословской школы.

Гораздо больше тех, кому дано
На побегушках быть у престарелых,
Есть хлеб простой, пить скромное вино,
Быть незаметным членом Церкви тела.

Пусть к колоску ложится колосок,
Пусть за зерном зерно ложится в землю,
Пусть еле внятным будет голосок,
Которому один Спаситель внемлет.

Без шума, показухи и фанфар
Твори свое во имя Бога дело.
Пусть невелик твой заурядный дар
И применение его несмело.

Не жди сиюминутного плода.
Посев и жатва не одновременны.
Другой пожнет – и это не беда,
Лишь было б семя в качестве отменным.

А то, что труд порой предельно прост,
И сам ты скромно светишь, скромно греешь,
Пожалуй, даже умножает рост
Того, что ты в любви незримо сеешь.

Февраль 1984 г.

НЕЗАМЕТНАЯ

В любой сезон, во всякую погоду,
В июльский зной, в сентябрьский туман,
Она с утра, не прихоти в угоду,
Выходит на дорогу «УАН-О-УАН» (101)

На голове бесформенная шляпа,
А на плечах бесцветное пальто.
Ей некогда хозяйничать и стряпать,
Ее призванье, видите ль, не то...

А может быть, она и поспевает
С домашними делами как-нибудь,
Но только никогда не забывает
Вот этот свой к дороге главной путь.

Там, полулежа, сидя или стоя,
Отставив палец, просит подвезти
Себя куда-то сборище густое,
К спасенью не нашедшее пути.

Она в своих ботинках старомодных
С громадной сумкой прямо к ним идет
И в руки этих странников безродных
Брошюры о спасении кладет.

Народ этот не купан и не чесан
И признает одних только своих,
Она ж неравнодушна к их вопросам,
С улыбкой принимает ругань их.

Под ветром, под дождем, под солнцепеком
Она свои брошюрки раздает.
И служит нам она живым упреком,
Тревожит душу и на труд зовет.

Как дорог сон бывает на рассвете;
Нам нужен завтрак, воремя обед...
А ей дороже гибнущие эти
И им спешит нести спасенья свет.

Неблагодарен труд ее сердечный:
Бродяга взял брошюрку и ушел...
Но ждет Христос ее с наградой вечной.
Он видел все, ЗАМЕТИЛ и учел.

БАЛЛАДА О СТРАДАЛЬЦАХ

В тех краях, где снежные бураны,
Где в полете замерзают птицы,
В лагерях томятся хулиганы,
Воры и кровавые убийцы.

В тех далеких уголках таежных
Отбывают срок за преступленья.
Значит, здесь не место детям Божьим,
Верным Его славному ученью.

Почему же рядом с проходимцем
Кто-то шепчет перед сном молитву?
Чьи это измученные лица
Там слезами горькими залиты?

Это лица воинов Христовых.
Это их согнувшиеся спины.
Здесь они в условиях суровых
Жизни отдают свои невинно.

В лагеря вернейшие из верных,
Как враги народные, попали.
Жертвой власти, что казнит за веру,
Христиане-братья наши стали.

Днем и ночью снежные метели,
На морозе руки цепенеют.
Огонек надежды еле-еле
Светится во тьме, что тьмы чернее.

Но горит огнем неугасимым
Вера, согревающая души,
Прибавляя изнемогшим силы,
Утешая в горе малодушных.

Дома плачут жены их и дети –
Трудно без кормильцев иждивенцам,
Самым обездоленным на свете,
Самым жалким из земных лишенцев.

Нас зовут они и своим зовом
Души раздирают нам, свободным!
Братья, вспомним заповедь Христову
О служенье, Господу угодном.

Оттого, что член один страдает,
Корчится от боли Церкви тело.
Если брат в темнице умирает,
О семье забота – наше дело!

Вспомним край, где наши братья плачут,
Вспомним обездоленные семьи.
Наша к ним любовь так много значит!
Наша помощь им, как дождь весенний.

Есть великий смысл и в их страданье.
Обернется им оно на благо.
В небесах, на вечном с Ним свиданье,
От Христа награда за отвагу!

«ЛЮБИТЕ ВРАГОВ ВАШИХ»

«А Я говорю вам: любите врагов ваших...»
Мф. 5:44–48

На письменном столе скопился ворох
Воззваний, просьб молиться о гонимых.
Шуршат листы. Тревожен этот шорох,
Доходит до глубин души незримых.

Христос сказал: «Вы будете гонимы»,
И всякий, кто Его явленье любит,
Сам испытал, что явный, а не мнимый,
Гонитель есть, который бьет и губит.

Жестокий, злой, он в средствах не разборчив,
Цель у него оправдывает средства.
Красноречив (не просто разговорчив),
Он зарится на Божие наследство.

Его не прошибешь, слезы не выжмешь
Петициями, просьбами, мольбами...
Но он, как кот на раскаленной крыше,
Свою погибель чует под ногами.

Как зверь в засаде, он рычит от страха,
Бросается, свою спасая шкуру.
Ему еще своя ценна рубаха.
Он напоен отравленной микстурой...

Безбожник он, и потому безумец
И гибели своей не замечает.
Слепец в сплетенье темных, узких улиц,
Ни света он, ни истины не знает.

Христос учил молиться о гонящих,
О проклинающих, обидчиках и бьющих:

«Благотворите им...», чтоб в духе спящем
Проснулся голос, к Богу вопиющий.

Гонящие несчастнее гонимых.
Гонимым Бог награды приготовил.
Он близок к ним. Они – Его. Он с ними.
Гонитель же далек от жизни Слова.

Он гибнет! Ада пасть пред ним зияет!
Воззваний ворох плачет о гонимых...
Друг, брат мой, тот, кто Бога любит, знает!
Когда молился ты о нечестивых?

Когда, представив два конца различных,
Ты их сравнил, моляся о порочных:
«Откройся им, будь их Спаситель личный,
Прости им, Отче! О, прости им, Отче!»?

Посвящается гонимым за веру

МЫ – ХРИСТИАНЕ

«Мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся». *2 Кор. 4:8*

Бог прошел впереди, засекая отметины,
Оставляя следы на дорожной пыли.
Мы на зов Его тихий душою ответили,
По следам и отметинам в вечность пошли.

Редко были в пути мы объятьями встречены,
Нас мочили дожди, зной полдневный сушил,
А огни, что для нас были Богом засвечены,
Враг лукавый умышленно в злобе тушил.

У надломленных скорбью мужчины и женщины,
Как у почвы, что все, что могла, отдала,
Мелкой сеткой морщины легли, словно трещины,
На лице и на выпуклой форме чела.

Мы никем не воспеты, никем не отмечены,
Нам «ура» не кричала в восторге толпа.
Нам награды здесь не были даже обещаны,
Мудрость мира дала нам «бумажный колпак».

Мы ненужные, лишние здесь и отсталые,
Мы идем через жизнь, как прохожий с сумой.
Наши лица обветрены, ноги усталые,
Как у странников в долгой дороге домой.

И никто перед нами здесь не извиняется,
Нас толкают и дальше спокойно идут.
Направленье от этого не изменяется,
Издевательства нам не меняют маршрут.

Нам чужды отклонения и ответвления,
Но страда и беда нам роднее родных.
Бог идет впереди – не грозят отвлечения,
Мы с открытым презрением смотрим на них.

Никому не нужны мы с своими советами:
В мире много и так, мол, своих чудаков.
Убеждения наши, как что-то отпетое.
Человек, говорят нам, пошел не таков.

Мы в молчанье свои переносим страдания.
Тихий свет нас манит в неземные края,
Где навек оправдание всем ожиданиям,
Где обнимутся с Богом Христовы друзья.

Мы туда доберемся дорогой отмеченной,
По следам, что для нас оставляет Христос.
Мы спасеньем Его навсегда обеспечены!
Ну, а вы разрешили спасенья вопрос?

ОДИНОКИМ МАТЕРЯМ

Одинокие матери скорбных семей,
Проводившие вдаль осужденных мужей,
Я склоняюсь пред вами, вам честь отдаю,
Вам хвалебную песнь посвящаю мою.

Предо мной ваша верность, как светоч, горит,
И со мной по душам в тишине говорит.
Ваша доблесть и ваше терпенье – пример,
Видя их, содрогнется любой маловер.

Ваша вера и ваша надежда – ваш щит
От мороза неверья, что всюду трещит.
Ваши дети укрыты под этим щитом.
Стал Вефилем для них обезглавленный дом.

Раньше срока состарилось ваше лицо,
Но блестит новизной золотое кольцо,
Что когда-то надел вам на руку супруг,
Обреченный на муку ваш ласковый друг.

Раньше срока вплелася в косу седина.
Одинокая мать – не вдова, не жена.
На ладонях мозоли и пальцы в узлах.
Опустилися губы прискорбно в углах.

От мужского труда ночью ноет спина.
Одинокая мать – не вдова, не жена...
В вашем доме хозяйкою стала нужда.
Вам комфорт не знаком, роскошь жизни чужда.

Черный день наступил и застал вас в пути.
В кладовой ничего, хоть шаром покати.
Но в душе христианства нетлеющий клад,
Потому у вас в доме порядок и лад.

Ваши слезы – роса на небесных полях!
Бог о вас не забыл и о ваших мужьях.
Он к моленьям не глух и на милость не скуп,
Его близость теплей, чем овечий тулуп.

И любовь Его греет в трескучий мороз.
Дух страдальцев в любви утешает Христос.
Я прошу вас принять мой сердечный привет.
На него получить не надеюсь ответ.

Перед вашим страданьем, немея, стою.
Вам хвалебную песнь посвящаю мою.
Одинокая мать! Слышишь? Ты не одна!
Бог с тобой, хотя ты не вдова, не жена.

День матери. Май 1978 г.

Три стихотворения, написанные во время поездки в Канаду в ноябре 1982 г.

КОНЦЕРТ ЛИОНЫ БОЙД

(Классическая гитара)

Высоко над облаками –
Клубами земного пара –
У Лионы под руками
Разливается гитара.

Нет мелодий примитивных,
Все классические звуки –
Просто сложные мотивы –
Сердца радости и муки.

Вихрь танца, плавность лодки,
Смех и слезы, плач ребенка
По невидимой проводке
В уши мне втекают звонко.

Отдыхаю! Отдыхаю!
(Даже здесь над облаками.)
Улетаю! Улетаю!
(Но не к папе или маме).

Звук классической гитары
Перешел легко на Баха.
Вечно жить хоралам старым,
Уносящим в мир без страха.

В мир покоя, чистых звуков
Унесла меня гитара.
Даже труд бывает скукой.
Отдыхаю от угара!

Переборы, переборы.
Пальцы щиплют струны нежно.
Где-то споры, разговоры –
Здесь спокойствие безбрежно.

У Лионы под руками
Заливается гитара –
Высоко над облаками –
Клубами земного пара.

В ДОРОГЕ...

(В автобусе на обратном пути)

И снова в дороге...
Колеса шуршат,
Мелькает осенний ландшафт,
Суровый и строгий,
Уходит-уходит,
Бежит не вперед, а назад.

И снова прощанье...
Разлука опять –
Любимые лица в окне.
И снова и в мыслях,
И в чувствах смешенье,
И боль где-то в сердце, на дне.

И снова заботы...
Работа, заданья,
И снова стремленье вперед.
И новые встречи,
И с кем-то свиданья,
День дню уступает черед.

И снова в дороге
К Небесному Граду!
Привал, передышка – и вдаль!
Еще не одну одолею преграду,
Забуду беду, пересилю досаду,
И радостью станет печаль.

БЕРЕЗОВЫЕ РОЩИ

(Васе Шагарову)

Березовые рощи, березовые рощи
Мелькают за окном.
Ведь нету вида проще,
Чем у безлистой рощи,
Сухой, прозрачно-тощей,
Объятой зимним сном.

И все-таки, и все же
Они душе дороже,
Чем стройных пальм ряды.
И дрожь бежит по коже,
Да, дрожь бежит по коже
От этих рощ седых.

И в сердце шевелится
Из памяти страница –
Родной страны пейзаж...
Как крылья серой птицы,
В тумане руки, лица –
Из прошлого мираж...

ПЛАЧ НАД ИЕРУСАЛИМОМ

Иерусалим! О Иерусалим!
Скорбит душа, и душат горло слезы.
Пришел к Своим, в любви пришел к Своим...
И получил насмешки и угрозы.

О, сколько раз хотелось Мне собрать
Детей твоих, как птице желторотых,
Под крыльев пух... Теплом Своим обнять,
Питать и греть, беречь при перелетах!

Хотел любить, хотел от зла спасать,
Хотел простить, а вы не захотели...
О Иерусалим, доколе будешь спать
На жесткой, горем устланной, постели?

Се, остается ныне дом ваш пуст!
Для избранных такая жизнь позорна.
Зачем хула неслась из ваших уст
На Сына Бога вашего упорно?

Познай Меня, прими, Иерусалим!
Приди, вернись, давай вдвоем поплачем!
Отец и Я и Дух тебя простим.
Любовь не может поступить иначе!

Иерусалим! О Иерусалим!
Я вновь приду в Моем небесном теле.
Остаток твой Я назову Моим
И больше не скажу: «Не захотели».

1979 г.

ЗЕМЛЯ СВЯТАЯ

Земля Святая! Сколько знала я
О ней по книгам, слухам и рассказам.
Ведь ей посвящена вся наша Библия.
Она всегда перед духовным глазом.

Каких прекрасных нету в мире стран!
И каждый вправе родиной гордиться.
Но там стоял Иерусалимский храм,
И Иордан по той земле струится.

И только там Бог неба воплощал
В земные формы вышние идеи.
Израиля наказывал, прощал.
Спасенье обещал от иудеев.

Там Слово стало плотию для нас
И пребывало в Человеке с нами.
Там люди увидали в первый раз
Того, о Ком пророчилось веками.

Там Он ходил, молился и учил.
По тем камням ступали Его ноги.
Их зной палил, прибой озер мочил,
Им вход открыт был в хаты и чертоги.

Там, на холме, за городской стеной,
Он был распят, чтоб я жила вовеки.
Земля Святая! Ну с какой страной
Сравнима ты в сознанье человека?

И потому я даже не берусь
Ни за сравненья, ни за обобщенья.
Благоговею, трепещу, молюсь,
Благодарю и плачу от волненья.

Так много чувств! Я об одном молю,
Чтобы народ, который там ютится,
Мог от души сказать Христу «люблю»
И в Нем навеки с Богом примириться.

Май 1983 г. (перед поездкой в Израиль)

«Увидев народ, Он взошел на гору…» *Мф. 5:1*

От Капернаума поднимаемся вверх на гору вдвоем: молодая работница нашего «Вефиля» и я. Жара, тропинка узенькая, колючки, кустарник по обе стороны тропинки цепляется за чулки и рвет их. Пот бежит по лицу из-под шляпки… Но так когда-то поднимался ОН, увидев народ, и там, наверху, ОН произнес Свою Нагорную проповедь. Мы хотим добраться до часовни наверху. Добрались. Чудный вид на Галилейское озеро, на склон холма, где ОН накормил пять тысяч пятью хлебцами и двумя рыбками. Сели на камень. Отдышались. Отерли пот с лиц. Вынули Евангелие, хлеб, вино… Прочитали Нагорную проповедь, помолились молитвою Господней «Отче наш», а потом каждая еще лично, долго… Преломили хлеб и выпили по глотку вина, смерть Господню возвещая, доколе ОН придет. Медленно пошли обратно, в Капернаум. Тут нет города. Одно название и часовня, да остатки синагоги, в которой якобы бывал в Свою бытность на земле Христос. Но Его пророчество исполнилось – и от Капернаума осталось только название (Мф. 11:23). Верно Слово Господне. «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся…» Блаженны мы, когда знаем Его и любим. Блаженна я, что могла подняться на эту гору Его тропинкой и преломить хлеб и принять вино в память о смерти Его за весь мир, за меня. Слава Тебе, Господи!

«И сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа; радость и веселье будет в нем, славословие и песнопение». *Ис. 51:3*

Поля, виноградники, сады.
Ажурный лесок вблизи Назарета.
Долина Иордана...
Тивериада, Капернаум, озеро Галилейское...
Гора Заповедей блаженства.
Рыбаки на озере. Овцы на холмах. Пастухи.
Арфа Давида. Голос:
«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его».
Оазисы в пустыне. Пальмы, маслины, фиги.
Вдоль ручьев бедуины: шатры, козы, ослы, верблюды.
Довольны малым. Так мало нужно! А мы?
Цветет пустыня, оживают сухие, мертвые кости, покрываются жилами и плотью...
«И сделает пустыни его, как рай, и степь его, как сад Господа...»
Арбузы, дыни, персики, бананы, абрикосы, виноград.
Обилие, все сыты. Голод утален. Никто не нуждается.
«Благослови, душа моя, Господа, и вся внутренность моя – святое имя Его».
В новостях по радио читают Тору:
Валаам, Валак... Древность!
«Не проклинай народа этого, он Мой, благослови его».
Господи, благослови народ этот!
Да расцветет пустыня внутри него.
Его душа!

КАМНИ

«Взгляните на скалу, из которой вы иссечены...» *Ис. 51:1*

Камни. Камни. Дома из камня,
улицы из камня, лестницы из камня,
сердца из камня...
«И возьму из плоти их сердце каменное
и дам сердце плотяное...»
Когда, Господи?
На полях камни, на полах камни.
Стены из камня, могилы из камня.
В домах без лифтов ступеньки из камня,
Площадки из камня, балконы из камня.
В учреждениях за дверями, куда ведут каменные
ступеньки,
чиновники с пейсами, в ярмолках,
черных шляпах, черных пальто, черных галстуках.
Сердца из камня.
«И возьму из плоти их сердце каменное
и дам сердце плотяное...»
Когда, Господи?
Ступени из камня – вверх, вниз, с горы, на гору,
между домами узкие проходы из каменных ступеней.
Лавчонки торговцев, как каменные пещеры в склонах гор.
Загоны для овец – груды камней.
Межи между полями – ряды камней.
Камни, камни, камни, скалы...
Во Святом граде стена из громадных камней.
Люди у стены, с внутренней стороны ее.
Целуют стену, целуют камень, плачут у камня.
Каменная стена между ними и их Иешуа Хамашиах,
их Спасителем и Искупителем.
Сердца из камня.
«И возьму из плоти их сердце каменное
и дам сердце плотяное...»
Когда же, Господи?

«Закон, имея тень будущих благ, а не самый образ вещей, одними и теми же жертвами, каждый год постоянно приносимыми, никогда не может сделать совершенными приходящих с ними». *Евр. 10:1*

«Всякий человек подает сперва хорошее вино... а ты хорошее вино сберег до сих пор». *Ин. 2:10*

ЧУДО В КАНЕ

Израиль под гнетом «буквы» обессилел –
Закон прекрасный, но невыполнимый!
Когда ж придет обещанный Мессия,
Желанный, ожидаемый, любимый?

Молчанье Бога длилося веками.
Малахия последним был пророком!
Но вот Иисус свершает чудо в Кане
И делает его для всех уроком.

Не просто чудо – акт чудотворящий –
Свершился там на брачном этом пире,
Но факт, наглядно людям говорящий
О том, что новый век начался в мире.

Израиль стенал в неведения мраке,
Под римским игом гнул по-рабски спины.
Веселье прекратилося на браке –
Вода простая для бокалов винных!

Бог приберег напиток самый лучший
К концу веков, когда иссякла радость,
Когда надежды самый слабый лучик
Погас во тьме и усугубил тягость.

Тогда Христос сосуды омовенья
Наполнил дивным виноградным соком:
«Отныне будет вашим очищеньем
Кровь Сына Божья, по словам пророков.

Вас Иоанн в воде сегодня крестит.
Я ж Духом Божьим совершу крещенье.
Ваш грех Меня на страшный крест повесит,
Но кровь Моя подарит вам прощенье...»

Не старое пришел Господь подправить
(Заплаты новой к ветоши не ставят).
Он новое творит и новым правит,
И новые сердца Его прославят.

Жизнь новую дарует Он обильно:
Шесть водоносов по две, по три меры!
И радость Его новая всесильна –
Мех старый рвет напором новой веры!

Ее удержит новой жизни камень,
Она отныне в каменных сосудах.
Бог показал это на браке в Кане:
Живые камни это Божье чудо.

Бог в Кане положил начало ЧУДУ,
В конце веков принесши избавленье:
В крови пречистой гибнущему люду
По благодати подарил спасенье!

Август 1977 г.

НЕЕМАН

4 Цар. 5

Повествованье древнее до нас
Дошло через века в Святом Писанье.
Полезный, назидательный рассказ
О девочке и смелом Неемане.

* * *

Военачальник царский, Нееман,
Великий человек у господина,
Любимый всем народом атаман,
Отличный воин, вождь непобедимый.

Не раз водил в походы сириян.
Господь дарил победу раз за разом..
Но болен был могучий Нееман –
От головы до пят покрыт проказой.

* * *

Однажды из израильской земли
В числе плененных, взятых при набеге,
Еврейскую девчурку привели,
Невинную, как блеск на первом снеге.

Жена военачальника взяла
Ее себе прислуживать по дому.
И девочка служанкою была
Хозяйке и хозяину больному.

В сердечке детском не таилось зло,
В нем не было желания отплаты.
В душе светло, в глазах любовь, тепло.
Добро дороже, чем ума палаты.

И вера ее детская сильна –
Последствие родительских уроков:

«Есть у Израиля Бог и есть страна,
Где есть один из Божиих пророков».

Однажды, сострадания полна,
Израильская пленница-малютка
Тихонько к госпоже вошла одна,
Вниманья попросила на минутку:

«О, если б господин мой побывал
В Самарии у нашего пророка,
Тот бы с него проказу его снял,
Пожалуй, даже во мгновенье ока!»

* * *

Совет ребенка взвесил Нееман,
Царю пересказал все слово в слово.
И вот готов богатый караван,
Письмо с печатью царскою готово.

Но в ужас царь израильский пришел
От слов письма сирийского владыки,
Он в них коварный замысел нашел,
Открытый вызов для вражды великой.

Он разодрал одежды на себе.
Не веря слуху и не веря глазу:
«Да что я Бог, чтоб жизнь дарить тебе?
Снимать с тебя смертельную проказу?»

* * *

Узнал о том смиренный Елисей –
Муж Божий верный, с прозорливым оком:
«Не рви одежды царской ты своей,
Пускай предстанет воин пред пророком.

Пускай узнает грозный человек,
Что есть еще пока пророк в Израиле.

Есть Иордан у нас – река из рек –
Для всех, кто телом и душой изранен».

* * *

И прибыл к Елисею Нееман
На колесницах и конях сирийских,
И стал у входа в дом, как истукан,
Ждал, что пророк поклон отвесит низкий,

И громко имя Бога призовет,
К больному месту сам приложит руку,
И вмиг проказа страшная пройдет,
Забудет Нееман болезни муку...

Но Елисей через слугу сказал
(Наперекор великим ожиданьям),
Чтоб Нееман на слово, за глаза
Семь раз омылся в водах Иордана.

Разгневался надменный Нееман:
«Есть реки и получше Иордана!
К чему мне ваш пророческий обман,
У нас Фарфар есть чудный и Авана!

Да что я не очищусь разве в них?
Не лучше ли они всех вод на свете?»
И отошел, забрав рабов своих,
Слуге пророка с гордостью ответив.

Его рабы молили так и сяк:
«Отец наш, что же просит он такого?
Что б важное просил, а то ж пустяк –
Омойся только – проще ведь простого!»

И проглотивши гордость, Нееман
Пошел к воде с покорностью ягненка.
Семь раз сошел в прохладный Иордан,
И кожа стала, словно у ребенка!

Пришел опять к пророку на порог
С душою благодарной и смиренной:
«Да, верю я, что есть в Израиле Бог!
Ты должен дар принять мой непременно!»

Но Елисей подарка не принял.
И полководец в знак благодаренья
Служить живому Богу обещал,
Пославшему больному исцеленье.

* * *

Быть может, ты проказою покрыт –
Греха неверья или непрощенья?
Приди к Христу – и будешь Им омыт
Струей кровавой, что дарит спасенье.

Тогда и ты, как в прошлом Нееман,
Уйдя надменно, возвратившись смирно,
Полюбишь жизнь дающий Иордан
И голос: «Ты спасен, иди же с миром».

ЕВАНГЕЛЬСКИЕ МИНИАТЮРЫ

ПРОЗРИ! (Мк. 10)

Дорогой пыльной шел в толпе Христос,
Ничем не отличаясь от других:
Хитон, сандалии, невидный рост,
На лбу бровей крылатых две дуги...
Но под бровями светлый взгляд очей,
Всевидящий, пронзающий насквозь,
Речь на устах – живой воды ручей:
Чиста, светла, мудра, пряма, как ось.
До нищего с протянутой рукой
Донесся слух, что Сын Давидов там.
И он, слепой, стуча своей клюкой,
Прорвал толпу и пал к Его ногам.
«Хочу прозреть!» – несчастный возопил.
«ПРОЗРИ! Ты жизнь по вере получил!»

ПРОЩЕНИЕ (Ин. 8)

Склонившись низко, в прах у Его ног,
Христос перстом чертил слова в пыли...
«Учитель! Моисей был мудр и строг.
Мы женщину в грехе сейчас нашли.
И по закону следует побить
Ее камнями до смерти за грех.
Как повелишь Ты с нею поступить?
Закон распространяется на всех!»
Толпа толкала женщину к Нему.
Она дрожала, бледная, как мел...
Но луч любви пробил злорадства тьму,
И суд перед прощеньем онемел.
«Пусть первый камень бросит в нее тот,
Кто без греха»... И отошел народ.

«ВОЗЬМИ ПОСТЕЛЬ... И ИДИ» (Мф. 9:6)

Когда прикажет Бог, никак не удержаться –
«Возьми постель с собою и иди!»
Чего не мог поднять, с чего не мог подняться,
Несешь, оставив слабость позади.

Чего не мог нести, что было не под силу,
Что гнуло вниз, прижав тебя к земле,
Пушинкой легонькой, лебяжьей, милой
Несешь вперед во свете и тепле.

Все потому, что больше не один ты,
Что Бог твой руки подложил под боль.
Покрыл весь долг, все погасил кредиты
И дал взамен ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ, ЛЮБОВЬ!

БЛУДНЫЙ СЫН

(Старая притча с новым концом)
Лк. 15:11–24

Младший сын в доме отчем был неопытен, молод
Но манила дорога в путь далекий юнца.
Звал, как горы, как море, тайным голосом город,
И покинуть решился сын родного отца.

Сжег мосты за собою, взял при жизни наследство –
Ничего, что прощанье старика огорчит,
Ничего, что всю душу он вложил в его детство,
Ничего, что теперь она кровоточит.

Он пошел по дороге с узелком без оглядки.
В легком облаке пыли постепенно исчез.
А отец еще долго стоял у оградки,
Пока кто-то не кликнул его под навес.

И с тех пор каждый день выходил на дорогу,
Становился у края, где деревьев ряды,
И молился украдкой вездесущему Богу,
Вытирая ладонью капли слез с бороды.

А ушедший мятежник, до свободы дорвавшись,
Пропускал между пальцев свое серебро,
Что, слезами и потом родимым доставшись,
Сохранялось отцом сыновьям на добро.

И когда расточил, промотал, растранжирил
До последней монетки наследство свое,
Голод грянул в стране. Перспективы страшили,
И пошел блудный сын на работу внаем.

Пас свиней у хозяев сын богатого дома.
Напитаться готов был рожками от них,

Но ему не давали… И бедою влекомый,
Вспомнил блудный о доме, об отце и родных.

Вспомнил с горя, что слуги в доме отчем счастливей,
Чем голодный и жалкий он в хлеву у свиней,
И сказал: возвращуся в дом отцовский красивый,
Поклонюсь и покаюсь пред семьею моей.

И пошел по дороге от свиного корыта –
Шел, оборванный, грязный, с колтуном в волосах…
Слабо верил, что дверь ему будет открыта,
Все же шел, без надежды, на риск и на страх.

Но за тем поворотом, где деревья, вздымаясь
В два ряда, приглашали в свою тень беглеца,
Чьи-то руки навстречу ему простирались –
Милосердные руки родного отца!

Он бежал, задыхаясь, до рыданий волнуясь,
Полный жалости к сыну, все забыл и простил,
Пал на шею в слезах, обнимая, целуя,
Ничего не напомнил, ничего не спросил…

Сын сказал ему: «Отче, недостоин быть сыном!
Согрешил перед небом, согрешил пред тобой!
Пусть наемником буду в твоем доме отныне.
Управляй сам, как хочешь, моею судьбой».

И отец был растроган, дал рабам повеленье:
«Дайте обувь на ноги и одежду на ять,
Дайте перстень на руку – знак любви и прощенья,
Заколите теленка, будем все пировать!»

Бог велик в милосердье! Сын пропал и нашелся,
Уходил и вернулся, мертвым был и воскрес!
Возвращеньем отцу он по сердцу пришелся.
В сердце отчем всегда у любви перевес!

Повторялись несчетно возвращения эти.
Этой притче Христовой не сулилось конца.
Но поверите ль, братья, что есть люди на свете,
Что за блудность сыновью обвиняют отца?

КОГО ВИНИТЬ?

Нам добрая рука Небесного Отца
Дает питье и хлеб,
Дает для жизни пищу.
Нам некого винить, когда мы нищи,
И глух наш слух, и взор почти что слеп.

Когда уходит сын в безводные места
От чистых родников,
Полей и рощ тенистых,
Кого ему винить за путь тернистый,
За то, что ног своих не вырвет из оков?

Когда до хрипоты почти доходит зов
Прийти, принять и взять
Спасенье даровое,
Кого винить, когда не ценим дорогое
И вечные дары дерзаем отрицать?

Не сам ли человек в несчастье виноват,
Которое кует
Своими же руками?
В своей беде большой мы виноваты сами,
А не благой Отец, Кто счастье нам дает.

Осудим же себя и истину поймем,
Что дверь открыта нам,
А мы все метим мимо.
Оставим лабиринт путей непроходимых
И упадем в слезах к Спасителя ногам.

Февраль 1984 г.

МУЖ ПО СЕРДЦУ БОГА

Деян. 13:22

По сердцу Бога мужем был Давид.
Но как же так? Ведь он грешил ужасно!
Его привлек чужой супруги вид,
Велением его был муж ее убит,
Отправленный, где более опасно.

Но неужели Слово Божье – ложь,
И Бог на ветер произносит фразы?
Такое и подумать нам грешно.
Оно всегда правдиво и верно,
Раз породил его премудрый Разум.

Так в чем же смысл таинственных сих слов?
Не в том ли, что Давид не побоялся
Сам письменно для будущих веков
И поколений через слог Псалмов
Открыть свой грех – подробно в нем признался?

Оплакал грех, открыв его Творцу,
И ни минуты не имел покоя,
Пока все дело не привел к концу,
Его представив Высшему Лицу,
Пока Сам Бог прощенья удостоил.

О, если б мы могли вот так, как он,
Без страха, оговорок, извинений,
Открыть свой грех, чтоб он мог быть прощен,
Хотя на нас глядят со всех сторон,
Склониться перед Богом на колени

И изложить в подробностях грехи
Отчаянным и сокрушенным слогом,
Хотя они, как у царя, плохи
И мы давно не знаем глаз сухих...
Мы тоже были бы по сердцу Бога.

Сентябрь 1987 г.

«Верующий в Меня, если и умрет, оживет».
Ин. 11:25

«Кричали нам, что есть еще бессмертье, а нам хотелось просто уцелеть…» Иосиф Бродский

БОЛЕЗНЬ ВЕКА

Ходят толпы по улице,
И гудят и волнуются:
«Ядерное оружие
Никому не нужное
Страшит экзекуцией.
Остановить продукцию!
Заморозить гонку,
В погибель ведущую!»
С паутиной тонкою
На охоте за душами
Диавол слышен все чаще.
Его голос рычащий,
Его голос шипящий
Раздается из чащи:
«Все старанья напрасные!
Лучше сделайтесь красными.
Лучше в прах перетертыми,
Лишь бы только не мертвыми…»
В страхе люди поверили
В его ложь-лицемерие,
И сменили бессмертие
На его долголетие,
Приводящее к ужасам,
Что ракетных похуже,
Хоть бы даже и атомных,
Безграничных охватами.
«Мы хотим долголетия!
Только вот уцелеть бы нам!
Только б как-нибудь выжить!

Дать врагу души выжечь,
Дать врагу души выпить,
Дать врагу души выжать!»
За мираж долголетия,
За отказ от бессмертия!

ПОБУДИТЕЛЬ

Ин. 3:8

Наклонилася ива к воде
Низко, низенько.
Кто поможет бедняжке в беде?
Горе близенько.

Плачут ветки, повисли, как плеть,
Нету моченьки.
Умереть бы теперь, умереть
Среди ноченьки.

Незаметно исчезнуть с земли
В тьму кромешную...
Воды темные мимо текли
В даль нездешнюю.

Налетел невзначай ветерок
На несчастную,
И подслушал ее шепоток
В ночь ненастную.

Он всю землю не раз облетел,
Видел многое.
И помочь ей в беде захотел –
Знал о Боге он.

Ветви-плети собой охватил:
«Что печалишься?
Вспомнишь Бога миров и светил,
Закачаешься!

Затрепещешь от радости вся
При сознании,
Что и ты, ива плачущая,
Часть создания!

Что в любви неземного Творца
Жизнь могучая,
Счастье вносит в больные сердца
И плакучие...»

Улетел далеко ветерок.
Что ж случилося?
Сердце ивушки к Богу привлек –
ВОЗРОДИЛАСЯ!

МАЯЧОК

Маячок в конце косы
Шарит светом по волнам.
В эти поздние часы
Кто-то рвется к берегам.

Кто-то щупает свой путь,
Ищет света пятачок.
Разгоняет мрак и жуть
Незаметный маячок.

Есть гиганты-маяки
И могучие суда.
Есть лихие моряки –
По колено им вода!

Но для лодочек простых
В гавань путь порой далек.
На косе стоит для них
Незаметный маячок.

Пусть едва заметный свет
Маячок бросает мой.
На привет придет ответ
От того, кто схвачен тьмой.

МОЖНО...

«Так говорит Господь: „Вот, Я предлагаю вам путь жизни и путь смерти“». *Иер. 21:8*

Можно питать
И можно пытать.
Можно отдать
И можно отнять.
Можно ласкать
И можно таскать.
Можно будить
И можно судить.
Можно согреть
И можно огреть.
Можно любить
И можно губить.
Многое можно,
Но все ль на добро?
В мире есть золото
И серебро,
Сено, солома
И дерево есть.
Есть поношенье,
И слава, и честь.
Многое можно,
Но только смотри,
Что-то одно
С головой избери:
Жизнь или смерть
Предлагает нам Бог.
Холод пещеры
Иль царский чертог –
Что изберешь,
Чтобы век не стенать:
Гибель без Бога,
Иль с Ним благодать?

Октябрь 1982 г.

АДВОКАТ

Суд идет. Насупились присяжные.
Секретарь отстукивает записи.
На столе горой – дела бумажные,
А на окнах бархатные занавеси.

У судьи солидное обличие,
Бородой широкой обрамленное.
Соблюдают правила приличия
На скамье судимых помещенные.

За столом под взором обвинителя
Девушка сидит себе, как статуя.
Только спину видят посетители,
Стройную фигуру ее, статную.

Подсудимым говорить не велено.
Нет нужды в их личных показаниях.
Адвокат все примет обвинения.
Он – защитник их от наказания.

Так Защитник мой на вечном следствии
Станет пред Судьею мироздания.
За Его спиной приют от бедствия
Даст Он на судебном заседании.

Смолкнет голос злого обвинителя.
Кровь Христа Судья припомнит чистую.
Я укроюсь за спиной Спасителя –
Адвоката моего речистого.

ЗА НЕГО САМОГО

Вместо обычных конечных итогов,
Вместо подсчета плода своего
Хочется больше прославить мне Бога –
За Него Самого! За Него Самого!

Можно ль Творца уподобить творенью?
Можно ли солнце с лампадой равнять?
Пламя костра – с негасимым гореньем?
С подписью личной – сухую печать?

Иов столкнулся с величием Бога.
После вопросов и жалоб умолк.
Голос из бури, как звуки из рога,
Что на сраженье зовут целый полк.

«Где был ты, Иов, когда основанья
Клал Я Земли и простер небеса?
Если ты знаешь, открой твое знанье.
Может, проник ты в Мои чудеса?

Кто положил ей предел и руками
Сам сотворил все, что видишь на ней?
Краеугольный кто вытесал камень
Под ликование звездных огней?

Знаешь ли неба уставы благие?
Можешь ли их утвердить на Земле?
Знаешь, чьи руки и силы какие
Смысл дали разуму, свет дали мгле?»

Праведный Иов замолк, стушевался.
Руку решил на уста положить.
«Я говорил, как безумный, – признался. –
Буду отныне по-новому жить».

Где я была, где был ты, где мы были
В дальнее, древнее время, когда
Руки Создателя мир сотворили,
Первая в небе зажглася звезда?

Воды от вод отделялися с шумом,
Горы дымились, и лава текла...
Вспомни ты, жалкий, где был ты, подумай,
Где были все вы и где я была?

Я только помню, как мир из хаоса
Бог в моем сердце больном сотворил.
Не было больше забот и вопросов,
Только хвала и служения пыл!

Как Он велик, как в любви непонятен!
Сколько простил! Сколько дал ни за что!
Все в Нем прекрасно, ни тени, ни пятен,
Чистый, благой, совершенно святой!

Время подсчетов и время итогов.
А у меня – НИЧЕГО СВОЕГО!
Я приношу благодарность Богу –
ЗА НЕГО САМОГО! ЗА НЕГО САМОГО!

АКРОСТИХ О БЛАГОДАРНОСТИ

Зачем грустить, когда на небе тучи,
Ажурный лес вдруг стал непроходимым...

Ведь не лишился силы Бог могучий.
Сегодня радость Он дарит любимым.
Еж за свои иголки благодарен,

Блаженствует зайчишка быстроногий,
Лань счастлива, что ей ручей подарен,
А мы порой не видим ласки Бога.
Господь заботится о человеке:
Он дал нам жизнь, дыханье, душу, разум.
Дал нам спасенье во Христе навеки,
Аккорд, покой, там, где была проказа.
Равви – Учитель милостивый, нежный,
Иисус Христос. Он нам принес спасенье!
Так как же не воздать благодареньем
Ему за жизнь и вечную надежду?

БЛАГОДАРНОСТЬ

Быть благочестивой и довольной –
Высшее достоинство души.
В зимний холод, в летний полдень знойный,
В шуме городов, в лесной тиши...

Быть беспрекословно благодарной
В урожайный и в бесплодный год.
В засуху, в пыли ее угарной,
В вёдро, когда дождь без меры льет.

Удовлетворяться благодатью,
Когда жало во плоти сидит,
Радоваться и рукопожатью,
Когда шею хочется обвить.

Равно, как в здоровье, так в болезни,
Славить за дары небес Творца;
За скалою и над краем бездны
Не менять ни сердца, ни лица.

Благодарность – это не избранье
Дней в последних числах ноября.
Благодарность – это состоянье,
Идеал земного бытия.

Благодарность – это когда хочешь,
Как Христос, в страдании своем
От души сказать: «Прославься, Отче,
В каждом деле на земле моем».

БЛАГОДАРЮ

В благодаренье – красота и сила,
А в ропоте – губительный угар.
Мне больше Бог давал, чем я просила,
За ропот упрекал, но не ругал.

И я благодарить Его училась
За мелочи, детали, пустяки.
За все, что бы со мной ни приключилось,
Цветы в моем саду и сорняки...

Я знала: Он не допустил ошибку,
Когда в глазах мне слезы вызывал,
Он мог всю жизнь мне превратить в улыбку,
Но Он слезами душу омывал.

Подъемы истомляли, изнуряли...
Казалось, как за них благодарить?
Вершины ж горизонты расширяли,
И виды предо мною открывали,
Которых ради вновь хотелось жить!

На спусках в беспросветные ущелья
Скользила, оступалася нога...
Благодарить? О Боже, неужели?
Я падаю! Мне жизнь не дорога!

Но вдруг – просвет, проход из мрака, выход!
Благодарю! Сто раз благодарю!
Иду за Ним без жажды личных выгод,
Служить бы лишь Небесному Царю!

Придя к концу путей моих неровных,
Омытая, очищенная Им,
В числе детей Его единокровных
Предстану пред Отцом святым моим.

Во имя крови праведного Сына,
Ему мою улыбку подарю.
И вновь за жизнь, за путь мой, трудный, длинный,
От всей души скажу: «БЛАГОДАРЮ!»

1978 г.

ИЗЛЕЙ В СЛОВАХ...

Излей в словах твою печаль
(Молчанье боли не смягчает).
Когда тебя другому жаль,
Пускай тебя он утешает.

Увидишь, как легко нести
Вдвоем нахлынувшее горе
И как легко вперед идти
Вдвоем с бедой в неравном споре.

Излей в словах твою печаль,
Дай волю горю износиться.
Один ты справишься едва ль
С тем, чем с другим должно делиться.

А если вдруг среди людей
Все души добрые иссякли,
Печаль Спасителю излей,
В словах излей до дна, до капли.

Сентябрь 1977 г.

МОЛИТВА

С такой любовию, как мать,
С таким доверием, как дети,
Ты помоги мне принимать
Все, чем Ты путь мой здесь отметил.

Без «почему» и без «зачем»,
Не прекословя и не споря,
Как я дышу, и пью, и ем,
Так дай мне принимать и горе

В надежде, что когда-нибудь
Откроешь все, что скрыто тайной,
И что пройденный мною путь
Мне ранил ноги не случайно;

Что каждый миг и каждый шаг,
Прискорбный стон или улыбка
В моих путях, в Твоих руках –
Большая цель, а не ошибка!

Что каждый камень на пути,
И каждый шип, и каждый узел
Мне помогал к Тебе дойти,
Не расширял мой путь, а узил.

Что каждой новою бедой
Ты пробуждал от сонной лени,
Когда сажал на «хлеб с водой»
Иль ставил в «угол на колени».

Что нужды все мои подряд
Ты восполнял с большим стараньем.
Не Ты ж ведь в том был виноват,
Что я НУЖДАЛАСЬ в наказанье!

Позволь мне жить и умирать
На сей земле, под небом этим
С такой любовию, как мать,
С таким доверием, как дети.

БОГУ

Ты мне близок, словно берег морю,
Ты мне дорог, словно детям мать,
Ты пришел, чтоб сладким сделать горе,
Ты пришел, чтобы, простив, обнять.
Без Тебя и жизни мне не надо,
Без Тебя я только что дышу...
Ты Один мне в жизни здесь услада,
Будь всегда моим, Тебя прошу.
Там, где небо встретится с землею,
Чтоб принять из рук ее меня,
Там впервые встречусь я с Тобою
И глаза мои узрят Тебя.
А теперь надеждою живою
Я живу, пока в свой час умру...
Ты мне ближе, чем песок прибою,
И дороже, чем вода в жару.

ГОРШЕЧНИК И ГЛИНА

«И сошел я в дом горшечника, и вот, он делал свою работу на кружале...» *Иер. 18:3*

Вертелось кружало, скрипело, жужжало,
Горшечник работал над новым сосудом.
Вода из кувшина на глину бежала,
А глина лежала бесформенной грудой.

Но пальцы горшечника в глину вцепились
И бросили глыбу на блюдо кружала.
И странные формы из глины лепились,
И глыба причудливо облик меняла.

То вазой изящной она становилась,
То форму кувшина легко принимала,
Податливо пальцам умельца корилась –
Струилась, ложилась, стелилась, пласталась.

Горшечник вставал, отходил от кружала
И, око прищурив, глядел на творенье.
Слеза в его опытном взоре дрожала,
Порой умиленья, порой восхищенья.

А если из глины не то получалось,
Что замысел мастера ей предназначил,
В бесформенный ком она вновь превращалась,
И новым сменялся сосуд неудачный.

Господь – наш горшечник, наш образователь.
И спросит ли глина горшечника дерзко:
«Зачем меня создал таким, мой Создатель?
Внутри у меня часто мрачно и мерзко».

Он создал тебя для служенья и славы –
Для славы Ему, для служения людям.
Чтоб жил в тебе Дух Его, чистый и правый,
И тек через край бесконечно повсюду.

Октябрь 1977 г.

СЛОВО «МАТЬ»

Бог знал, кого и чем снабжать,
И для высокого призванья
Он одарил земную мать
Широким спектром чувств и знанья.

Он знал: ей можно доверять
Людей потомства воспитанье,
Что дивна христианка-мать
В союзе с сутью мирозданья.

И не случайно слово «мать»
Легко ложится в стих сердечный.
Его нетрудно рифмовать
С наилучшим в нашей русской речи.

Со словом «знать» и словом «дать»
Оно, естественно, созвучно.
И с «понимать», и с «приласкать»,
И с «сострадать» ему не скучно.

Никто не знает все, как мать,
Никто, как мать, не понимает,
Никто не может так ласкать,
Никто, как мать, не сострадает.

Никто, как мать, не может дать,
Никто, как мать, прощать не может.
И так любить и ожидать
Никто, как мать, не может тоже.

Одно лишь тяжело принять,
Что в жизни час приходит черный,
И «МАТЬ» со словом «умирать»,
Смирясь, рифмуется покорно.

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ

Напившийся допьяна моторист,
За руль усевшись, двинулся в дорогу.
Машина мчалась, издавая свист,
Как «Красный крест» кому-то на подмогу.

На перекрестке, проглядев сигнал,
Он налетел с разгона на другую
Машину, где никто не ожидал,
Что их удар ждет страшный в лобовую.

Раздался звон разбитого стекла,
И лязг железа оглушил прохожих.
А мать на свою девочку легла,
Собой прикрыв от смерти осторожно.

Ей удалось дочурку уберечь.
Муж уцелел, хотя был весь изранен.
Но ей одной пришлось в могилу лечь
На третий день прохладным утром ранним.

Как велика любовь у матерей!
Какая в ней могучая есть сила!
Но Бог сказал нам, что Своих детей
Он помнит даже, если б мать забыла.

Он телом Сына нашу жизнь прикрыл
От гибели и неизбежной смерти.
Под сению Его могучих крыл
Нас не страшат житейских бедствий смерчи.

Мы мать собрались ныне воспевать,
Любовь и жизнь, что не боится риска.
Однако же не будем забывать
О той ЛЮБВИ, что выше материнской.

День матери 1984 г.

В МАЕ...

(Для детей)

Почему-то в мае, в светлом, теплом мае,
Когда вся земля про жизнь поет,
Нежной, доброй маме, своей милой маме,
Честь ее ребенок отдает.

Все его влеченье в этот день весенний
К той, что в день рожденья родила.
Он ее отросток, ветки ответвленье, –
Жизнь свою она ему дала.

Мать не спала ночи, чтобы спал сыночек,
Суетилась днями, чтобы ел,
Чтоб ему подсунуть лакомый кусочек,
Чтобы не страдал он, не болел.

Вытирала слезы, бинтовала раны,
Тихо песни пела про Христа.
О Его спасенье говорила рано,
Чтоб душа детей была чиста.

Потому-то в мае, в светлом, юном мае,
Когда вся земля про жизнь поет,
Честь и славу маме, своей доброй маме,
Каждый, кто родился, отдает.

Май 1977 г.

О МОЕЙ МАМЕ В КОНЦЕ ЕЕ ПУТИ

Таинственно Господь в известном возрасте
Нас превращает в маленьких детей.
На голове серебряные волосы,
А жизнь полна ребяческих затей.

То наизнанку платье надевается,
То вдруг ботинки не на тех ногах.
То кто-то терпеливо нагибается,
Чтоб узелки распутать на шнурках.

Мы снова по-ребячески шкодливые,
И нас боятся оставлять одних.
Мы снова по-ребячески счастливые –
О нас пекутся, кормят, как больных.

Едим, жуем, но трудно все проглатывать –
Желудок варит, да и то едва,
За нами нужно каждый миг присматривать –
У нас совсем не «варит» голова.

В постель кладут не спать, а просто «баиньки».
И плотно одеяло подоткнув,
Нам говорят по-детски: «Будь же паинька»,
Когда нас, как детей, клонит ко сну.

Нам все равно, какие власти грозные
Сегодня миром правят тут и там.
Мы дети беззаботные, склерозные,
И дочки превратились в наших мам.

Исчезло все ненужное и лишнее,
Наряды не нужны и мишура.
Осталась суть, и эта суть давнишняя
Чиста, кристальна и, как мы, стара.

И даже старше нас та суть извечная.
Она горит нездешним огоньком.
И страха нет – лежит дорога млечная
И нас манит, зовет в Отцовский дом.

Июль 1985 г.

И МНИТСЯ

«Они ушли, а мы остались здесь,
где все, что было, есть...»

На холмике домик моих старичков
Стоит, как ни в чем не бывало.
Дымок из камина течет ручейком,
Свет в окнах столовой и зала.

И мнится, я, только к дверям подойди,
Звоночек нажми, и услышу:
«Кто там? Заходи, поскорей заходи
Под нашу семейную крышу».

Да, именно мнится... За дверью живут
Другие какие-то люди.
Пожалуй, откроют и руку пожмут,
Но в дом не введут без прелюдий.

Чужая я им и чужие они.
К чему им моя ностальгия?
И я прохожу и на в окнах огни
Смотрю, как на те, дорогие...

Смотрю на дымок над высокой трубой,
На плотно закрытые двери
И дальше шагаю с дрожащей губой,
На миг в то, что мнится, поверив.

Январь 1986 г.

ПАМЯТИ МАМЫ

Моя горбушечка-старушечка,
Куда девалась ты, родная?
Мамуся, мамочка, мамушечка,
Я без тебя совсем иная.

Я стала более плаксивая,
Чуть что – и слезы взор туманят.
Я стала менее спесивая –
Пусть говорят, что, мол, ума нет.

Всю жизнь учила меня доброму,
Святому, чисто-благородному.
Твои заветы в сердце собраны,
Как перлы мудрости народные,

Для передачи поколениям,
Для наставления наследников.
Старушечка моя нетленная
Красноречивей проповедников.

Вся жизнь твоя была сиянием,
Вся жизнь твоя была свечением,
Небесного с земным слиянием
Для подражанья, повторения.

Моя ушедшая старушечка,
Тебя здесь нет, но ты осталася.
Ведь навсегда покой нарушился
У тех, к кому ты прикасалася.

Их потянуло не к верхушечкам,
А выше, за вершины снежные,
Куда ушла моя старушечка, –
В края небесные, безбрежные.

Декабрь 1986 г.

МОЛОДОЙ ОТЕЦ

Он сам еще полумальчишка,
Неоперившийся птенец,
Но у него растет сынишка.
Он в его метрике – отец!

И в нем живет еще причина
Простых ребяческих затей.
Но вот женился и – мужчина!
Пора производить детей.

Еще не потускнел ребячий
В глазах задорный огонек.
Чуб непокорный в кепке пряча,
Он еще просто паренек.

Ему не то чтобы пятнадцать,
Ему, пожалуй, двадцать пять.
Но хочется не запятнаться,
Отцовский образ сохранять.

Сыночек вылез из пеленок.
Он неуклюж и косолап.
Но он его родной ребенок.
Кричит ему по-детски: «Пап!»

«Пап, посмотри, как я играю.
Пап, посмотри, как я бегу...»
Потом – «невесту выбираю»,
Потом – «завет твой берегу»...

Картинку эту приходилось
Не раз мне в жизни наблюдать.
Всегда сильнее сердце билось,
И сладко-грустно становилось,
А мир вокруг кричал про МАТЬ.

Сентябрь 1987 г.

СЕМЕЙНЫЕ ВОПРОСЫ

«Почитай отца твоего и мать – это первая заповедь с обетованием».
Еф. 6:2

Еще глаза не высохли от слез,
Еще у сердца мышца не разжалась
С тех пор, как самый близкий нам вопрос
Бросал нас то в восторг, то в жалость.

Мы в мае вспоминали матерей –
Хороших, и плохих, и просто.
Мы не закрыли памяти дверей,
Ведущих на могилки на погостах.

Живых и мертвых вспоминали мы,
И тех, кто жизнь в себе незримо носит.
Но май прошел, и вот июнь с немым
Вопросом на лице ответа просит.

У месяцев начала и концы,
И праздники свои, и дни рожденья.
В июне вспоминаются отцы.
О них всегда серьезней рассужденья.

Без лишних слез, сентиментальных фраз
Мы помним, что отцы, хотя любили,
Суровее наказывали нас,
Больней, чем мамы, нас порою били.

Меж тем, как мамы, не смыкая глаз,
Тряслися над детьми и трепетали,
Отцам, казалось, было не до нас,
До радости до нашей и печали.

Отцы боялись лишний раз сказать,
Что любят нас, что мы им дорогие,

Не знали, как тепло из слов вязать,
А нам казалось – их сердца тугие.

И все-таки, и все же, если вдруг
Отец по волосам провел рукою
Или прижал к себе, как лучший друг,
Его любовь в тот миг текла рекою,

И не было сомнений в том, что он
На все пойдет, за вас костями ляжет.
Когда придется, бросится в огонь
Иль прыгнет в воду, если жизнь прикажет.

И мы вдруг понимали, почему
Его виски седыми были в сорок,
С каким трудом давался хлеб ему,
Что каждый член семьи безмерно дорог.

И волновал навязчиво вопрос,
Что почему-то часто так бывает,
Что, несмотря на силу и на рост,
Отец скорее мамы умирает,

Что вдов на свете больше, чем вдовцов,
Что нелегка отцовская работа.
И вдруг сжималось сердце за отцов –
Скупых на ласку, щедрых на заботу.

Ответственный за нас перед Творцом,
Отец хранит святое упованье...
Почтим же с матерями и отцов
По заповеди, что с обетованьем.

Июнь 1986 г.

ВСТРЕЧА

(Сыну)

Вчера спешила на машине
По главной улице в обед.
Посторонилась, чтоб мужчине
Продвинуть дать велосипед.

Он молод, волосы курчавы,
Полублондин, полушатен.
Спина с широкими плечами.
На вид – ни дать ни взять – спортсмен!

Но что-то в той спине знакомо...
В затылке том и волосах...
Повеяло семьей и домом,
И стрелка стала на часах.

Поворотила вспять година
Почти на двадцать с лишним лет...
Остановись на миг, мужчина!
Останови велосипед!

Куда спешим мы оба ныне?
Кого стремимся перегнать?
Узнала сына я в мужчине.
А сын-то мой узнал ли мать?

Да помнит ли, как он ребенком,
Когда укладывала спать,
К себе тянул меня ручонкой,
Шептал: «Побудь со мною, мать...»

Как детскую его спинишку,
И руки черные, и нос
Купала, когда был мальчишкой,
Плаксивый мой молокосос.

Как голову мою на грудку
Склонял, когда молилась с ним...
Сынок, побудь со мной минутку!
Куда по улице спешим?

Сентябрь 1980 г.

ГАЛЕ

Ты вчера потеряла друга.
Он ушел во мгновенье ока.
Взял Господь твоего супруга
И оставил тебя одинокой.

Слезы катятся по ланитам,
Сердце рвется в груди на части.
Он на небе, а ты убита.
Непосильно твое несчастье.

Ты послушай меня, послушай:
У тебя надежда на встречу.
Ты увидишь его, Галуша.
Во Христе у вас вместе вечность!

Льет Спаситель елей по ране,
Боль гасит виноградным соком.
Он грядет к нам Звездою ранней
Восхитить во мгновенье ока!

Июль 1987 г.

ОТЕЦ И СЫН

Был мальчишка шустер и услужлив на «пять».
Сам, бывало, просился отцу помогать.
И отец его помощь не раз принимал,
Но учил его жить, поучал, наставлял...

Раз послал он его в сад крыжовник сбирать.
И мальчишка с лукошком готов был бежать,
Но отец с полпути малыша возвратил
И с приказом таким в сад его отпустил:

«Собирай, только в рот ничего не клади.
Все в лукошко сложи, а с едой погоди.
А когда ты крыжовник ко мне принесешь,
То тогда и себе кое-что зачерпнешь».

И мальчишка помчался в развесистый сад,
Где крыжовника кустики строились в ряд.
Он янтарные ягоды ловко срывал,
В рот, по слову отца, ни одной не совал.

И под вечер пришел, улыбаясь, к крыльцу
И лукошко с крыжовником подал отцу.
А отец, наклонясь, приласкал малыша
И сказал с расстановкой ему, не спеша:

«Ну, возьми же теперь горсть побольше, сынок,
Ты ее заслужил, потрудясь в солнцепек».
И сынок потянулся ладошкой своей,
А потом передумал: «Дай лучше твоей!»

МУЖУ

(После выдачи замуж последней дочери)

И мы опять вдвоем,
Как много лет назад.
Сидим к плечу плечом.
Глядим глаза в глаза.

Но все уже не то.
Года прошли, года!
Не тот у нас восторг.
Не та у нас беда.

Этап прошли, этап!
Начало и конец.
Недавно вылетал
Последний наш птенец.

И мы сквозь слез туман
Глядели, как они
Вписали в свой роман
Счастливейшие дни.

Каким знакомым был
Их каждый нежный взгляд!
Ты, верно, позабыл
НАШ много лет назад...

Не мудрено забыть
В угаре трудных лет.
На «быть или не быть»
Искали мы ответ.

Растили детвору.
Кипел уютный дом.
Но поредел наш круг.
И мы опять вдвоем.

Май 1983 г.

НАШ САД

За домом роскошный раскинут цветник,
Местами по грудь он мужчине.
Работал немало мой муж-хлопотник
Над ним и работает ныне...

Заботливо почву лопатой копал,
И смешивал щедро с навозом.
Одно удобренье траве подсыпал,
Другое – усиленно розам.

Ставочек для рыбок в углу примостил
Из старой, заброшенной ванны.
Сквозь статую феи струю пропустил,
И вышло подобье фонтана.

Игривые рыбки снуют под водой,
Под листьями белых кувшинок.
И смотрит с улыбкой садовник седой
На юную фею с кувшином.

Он счастлив глядеть на дела своих рук,
На сад свой из света и тени,
На то, как в клубнику залез его внук,
Как внучки в цветах по колени;

Как пчелы жужжат в огуречной гряде,
Как дышит живая ограда,
И как над полянкой, что сходит к воде,
Раскинут зонтом авокадо.

Под окнами спальни растет виноград,
По стенам гаражным и крыше
Вистерия вьется себе наугад
Все шире, и дальше, и выше...

Садовник над садом потеет, корпит,
И все ему кажется мало.
Под вечер подстрижен весь сад и полит,
Под утро весь в росных кристаллах.

Блаженствуют птицы в саду и поют,
И всякий, кто в сад наш приходит,
В тени его тихой находит приют,
Подобие рая находит.

И в том, что своим и прихожим мила
Прохлада цветущего сада,
К душе насадившего радость пришла,
За труд бескорыстный награда!

В СТАРЧЕСКОМ ДОМЕ

По лабиринту узких коридоров,
Заглядывая в комнаты, иду.
Ищу ее... На любопытство взоров
Улыбкой отвечаю на ходу.

Все двери настежь. На кроватях люди
И в креслах на колесах тут и там.
И вонь своеобразная повсюду,
Присущая всем старческим домам.

Из кресел руки тянутся за мною,
Несвязный лепет слышится и крик.
Старушка у перила под стеною
Беззубым ртом мне что-то говорит.

Понять нельзя, твердит одно и то же
Младенческим (не детским) языком.
Я мысленно взмолилась: «Боже, Боже,
Помилуй этих жалких стариков!»

Иду. Ищу. Пришла к ее палате,
Забыть не в силах шумный коридор.
Вошла, гляжу: на кресле у кровати
Сидит одна, уставив в стенку взор.

Узнала. Рада. Выжала улыбку.
В усталом взоре вспыхнул огонек...
Я знаю. Бог не допустил ошибку.
Наверно, здесь и для меня урок.

Поговорили, вместе помолились,
Припомнили былые времена.
От мрачной атмосферы отключились,
И оживленней сделалась она.

Дом старческий – ее этап последний.
Он многих ждет. Возможно, и меня.
Хоть эта перспектива ниже средней,
Предотвратить ее не в силах я.

Со временем слабеют ум и тело.
Господь, прошу, дух бодрым сохрани!
И то, пусть малое, святое дело,
Что из любви к Тебе свершить успела,
Во имя мук Твоих не отстрани!

КЛАДБИЩЕ «ЛЕСНАЯ ПОЛЯНА»

Сокровищница дивных изваяний,
Пусть только копий, но зато КАКИХ!
Они белеют на «Лесной поляне» –
На кладбище, где звук учтиво тих.

Здесь алебастр, мрамор, гипс и бронза...
Да Винчи, Микеланджело... и ряд
Других творцов... Поэзия и проза
Вокруг могил, куда ни глянь, стоят.

Часовни с красотой стоцветных окон,
С прохладной, сердцу милой тишиной,
Куда Творец Своим всезрячим оком
Глядит лучей сияющей волной.

Здесь даже холод плит на склонах мшистых
Не так холоден, как в других местах.
В угаре город... Здесь же воздух чистый,
Жужжанье пчел и щебетанье птах.

То тут, то там вдруг изгородь живая,
Стена из мирты, лавра иль плюща.
За ней скульптур коллекция такая,
Что и глядеть нельзя, не трепеща!

Какой-то благолепный, сладкий трепет
Охватывает душу в этот час.
Она поет, и вера в сердце крепнет,
И слезы сами катятся из глаз...

Здесь множество картин, скульптур великих
Представлено в музее на холме.
«Распятие» – шедевр Ивана Стыки –
Является в прохладной полутьме.

А ниже меж кустов почти сокрыта
Скульптура необычной красоты
С уместным, метким именем «Защита» –
Пред ней, сдавив дыханье, станешь ты:

Мужчина с широченною спиною –
Натянут лук, готов стрелу пустить.
А за спиной жена, как за стеною,
С двумя детьми спиной к нему сидит!

Здесь поражает гений человека
И мысли поднимает к небесам,
Откуда вдохновенье с покон века
Ниспосылалось избранным сердцам.

И смерть здесь представляется иначе:
Как славный неизбежный переход,
Который принимается без плача
За то, что в лучший мир людей ведет.

Здесь все надеждой славной окрыляет,
Все в вечность с Богом, со Христом зовет
И говорит: КТО В НЕМ, НЕ УМИРАЕТ,
НЕ УМИРАЕТ, А ВОВЕК ЖИВЕТ!

ПРОСТИТЕ МНЕ...

О добром говорят, когда уже ушли,
А не тогда, когда еще уходят
Болезненно с больной этой земли,
Когда «крутые горки» их уходят.

Но почему бы не сказать сейчас
Все, что пристало другу по заслугам?
Сказать, что был он дорогим для нас,
Сказать, что близким братом был и другом.

Скупы мы на слова, на добрые слова.
Щедры на злые мы и шуточные тоже.
Все голова, все только голова,
А сердце притаилось настороже.

О, дать бы волю им, несказанным словам!
Да, близок был мне каждый здесь прохожий.
Да, сердцем я тянулась ко всем вам,
Землянам, как и я, и детям Божьим.

Не у могильных плит, а с этой стороны,
С земной, где вместе мыкали мы горе,
Где рядом шли, где были рождены,
Где с ветром говорили на просторе.

Простите мне, ушедшие давно,
Что не всего я вам тогда сказала...
Я не бесчувственное, грубое бревно.
Любила вас, а как сказать, не знала.

«МЕМЕНТО МОРИ»

(Помни о смерти) Пс. 89:12

Мы в вечность отправляли «эшелоны» –
Предшественников наших долгий ряд.
С цветами выходили на «перроны»
Отдать последний долг, последний взгляд.

Произносили траурные речи,
Возвышенные, добрые слова:
«Прощай, наш друг, прощай, до скорой встречи!
Все будем там, сюда придя едва...»

На старых пожелтевших фотоснимках
Торжественных собраний весь «актив»:
Вот я с ребенком в беленьких ботинках
Пытаюсь улыбаться в объектив.

Вот брат Водневский – ни одной сединки!
Брат Гарин – стройный, тонкий, молодой!
Рогозин Павел, как для поединка,
С Писанием в руках готовый в бой.

Березов Родион – под мышкой папка
Последних убедительных стихов.
Сергей Абрамов (запросто мой папа)
Для снимка выступает без очков.

А дальше... Дальше дети, сестры, братья,
Которых, многих, больше нет в живых.
Пожалуй, нет двух третьих (не приврать бы),
По пальцам сосчитаешь остальных.

И мне сегодня, в День поминовенья,
Пока для нас еще не пробил час,
Вдруг хочется затихнуть на мгновенье
И вспомнить тех, кто, отпылав, угас.

Так вспомнить, чтобы числить научиться
Так хорошо свои земные дни,
Чтоб мудрым сердцем здесь обогатиться
И в памяти остаться, как они.

Грохочут, мчатся в вечность «эшелоны»,
И нас когда-то тоже вдаль умчат.
И кто-то выйдет провожать «вагоны»,
Отдать последний долг, последний взгляд.

Май 1985 г.

О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием животворили,
Не говори с тоской: их нет!
Но с благодарностию: были.
В. А. Жуковский

В ДЕНЬ ПОМИНОВЕНИЯ

Вспоминаем умерших,
Вспоминаем ушедших,
Вместе с нами прошедших
Часть земного пути.
Вспоминаем любимых,
В этой жизни нашедших
То, что им полагалось
Поискать и найти.

Пусть ушли они раньше,
Нас в бегах перегнали,
Впопыхах не сказали,
Что хотелось сказать.
Не успели исполнить
Все, что пообещали,
Лишь успели слезами
Переполнить глаза.

Их надгробные камни
И холодные плиты
Пусть не будут залиты
Сожаленьем о них.
В Божьей памятной книге
Их дела не забыты.
Бог в селения Неба
Принял верных Своих.

И Спаситель воскресший
Их зовет поименно:

Ваню, Аню и Раю
И других... и других...
Всех, кто в Нем умирает,
Всех прощенных, спасенных
Жизнь без меры и тленья
Ждет в краях неземных.

Вспомним их благодарно,
Вспомним радостным пеньем,
День их поминовенья
Светлым сделаем днем.
И что было наилучшим
В их пред Богом хожденье,
Их святые мгновенья
В этот день помянём.

1978 г.

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Я в детстве любила ногами босыми
По мокрому лугу бежать,
И раннее солнце с лучами косыми
На лоне природы встречать;

Глядеть, как сверкают на солнце росинки,
Сбивать их с деревьев, кустов,
Сплести из ромашек венок и в корзинку
Нарвать всевозможных цветов:

Вот розовый клевер, вот лютики, кашка,
Вот мак полевой, васильки,
Степной колокольчик склонился к ромашке,
Целует ее лепестки...

Я в детстве любила на самой верхушке
Черемухи старой сидеть,
На поле, на лес под соломой избушки,
На небо и землю глядеть.

А небо так сине, земля так прекрасна,
На сердце ни тени забот.
Ничто не тревожит, ничто не опасно,
Беспечно глядишь лишь вперед.

Любила в траве, по колено высокой,
Лежать и на небо глядеть.
Мечтать, что на облачке легком далеко-
Далеко смогу улететь.

Любила забраться в малинник. Плод сладкий
Без счету пихать себе в рот.
До тех пор, пока не покажется гадким,
Пока разболится живот.

Я в детстве любила ходить за грибами
В дубняк на холме, возле рва,
Искать землянику в траве между пнями,
Лесные цветы собирать.

В жару, когда воздух дрожит раскаленный,
Любила купаться в пруду.
Любила в траве шелковистой, зеленой
Заснуть под черешней в саду.

Любила подолгу глядеть с восхищеньем
На звездное небо в ночи,
Любила внимать деревенскому пенью,
Что так задушевно звучит.

А в дождь, в непогоду, взобравшись бывало
На жесткий сундук под стеной,
Я с жадностью книгу за книгой читала
Под ветра чарующий вой.

Действительно было то время, иль, может,
Оно лишь приснилось во сне?
Зачем же тогда мою память тревожит
И дух мой волнует во мне?

Я все по-иному теперь понимаю,
На жизнь по-иному смотрю,
Но, детства беспечные дни вспоминая,
Тихонько молитву творю:

Мне хочется так же беспечно, по-детски
У ног Иисуса сидеть.
И с духа высот, как с черемухи в детстве,
С любовью на землю глядеть.

БЕЛАЯ АКАЦИЯ

С природой стану ль пререкаться я,
Что, мол, в субтропики заброшена
Простая белая акация,
Что в душу влезла мне непрошено?

Среди бессмертной флоры смертная,
Она цветет в апреле весело.
Вся в белом, как невеста светлая,
Что чистоту фатой завесила.

На лавры глядя и на фикусы,
Я позабыла про акацию.
Но жизнь нам преподносит фокусы,
И из сюрпризов комбинации.

И стукнет сразу, словно обухом,
Представив издавна знакомое.
Глядишь остолбеневшим олухом,
Давяся слез и счастья комом.

Знакомая и сердцу близкая,
С цветами сладкими, акация!
Я на тебя взбиралась кискою,
Твоим нектаром наслаждаться.

Но это с детством улетучилось...
Теперь иная ситуация.
Но чувствую, КАК я соскучилась,
Что ты жила во мне, акация!

Порой людей теряя из виду,
Мы их относим в погорелое...
И вдруг – негаданно, невиданно –
Встают акациею белою.

Апрель 1980 г.

НАИВЫСШИЙ ПОИСК

Деян. 17:26–27
Венок сонетов
1983 г.

1
СОНЕТА СЛОГ МЕНЯ МАНИТ ВСЕГДА

Сонета слог меня манит всегда
Тем, что поэта думать принуждает.
Он для него, как для коня узда.
Под ним размер строптиво не блуждает.

Он – это вожжи, это удила,
Бразды, между которыми я вольна,
Размеру подчинившись добровольно,
Творить свои любимые дела.

Как можно не любить простой сонет
Уже за то, что лучше формы нет,
Короче, четче, сжатей, малословней?

Я вынуждена все сказать скорей,
Как будто смерть стучится у дверей –
Как ультиматум мне беспрекословный.

2
КАК УЛЬТИМАТУМ МНЕ БЕСПРЕКОСЛОВНЫЙ

Как ультиматум мне беспрекословный –
Смерть в мои двери четко постучит.
Пред нею богословье – пустословье,
Не остановит и не защитит.

Спасет пред ней одно – святая кровь,
Единое святое искупленье.

Не просьбы и не крик до исступленья,
А крест, венец терновый и Любовь!

Какими увлекались мы речами!
Они журчали горными ручьями,
А горизонт скрывала гор гряда.

Но Кто-то был за дальним небосклоном,
Манил к Себе сквозь тусклую заслону,
Как точка в темном небе, как звезда.

3

КАК ТОЧКА В ТЕМНОМ НЕБЕ, КАК ЗВЕЗДА

Как точка в темном небе, как звезда,
Которой нету ярче и точнее,
Так наша жизнь идет чрез города,
По всей земле по собственной траншее.

Нам желоб дан. В чужие желоба
Стараюсь не влезать и не тесниться.
Чужое мне мерещится и снится,
Но то, чужое, – не моя судьба.

Я Истину познала, и она
Во мне живет – я больше не одна,
Хоть путь мой ею явно обусловлен.

Ведь муж с женой в одном кольце живут
И делят слезы, радости и труд,
Кольцо, в котором тесно, но не больно.

4

КОЛЬЦО, В КОТОРОМ ТЕСНО, НО НЕ БОЛЬНО

Кольцо, в котором тесно, но не больно
Найденной мною Истине и мне.

Я отдала себя ей добровольно,
Как жениху невеста, муж жене.

Легко живется с Истиною рядом,
Но легче, когда Истина внутри
Кустом неугасаемым горит
И расцветает плодоносным садом.

Тень смерти близко у моих дверей.
Я вынуждена говорить быстрей –
В пределах слога сжатого сонета.

Размер сонета мне приятен тем,
Что места нет для маловажных тем.
Сонета слог быстрее, чем ракета.

5

СОНЕТА СЛОГ БЫСТРЕЕ, ЧЕМ РАКЕТА

Сонета слог быстрее, чем ракета.
Я ощущаю срочности порыв,
Как будто нет ни «завтра» и ни «где-то»,
А только есть «сегодня» – вспышка, взрыв!

Благая весть – спасенье даровое
Всем грешникам, кто веровать готов!
Прощение дарует крест Христов,
И только он, не что-нибудь другое.

Сегодня нужно все сказать скорее,
И цепи рабства разорвать быстрее,
Все спорное убрать и разрешить.

Сегодня может и не повториться.
Все важное навеки удалится,
Умчится вдаль, уже не уловить.

6

УМЧИТСЯ ВДАЛЬ, УЖЕ НЕ УЛОВИТЬ...

Умчится вдаль, уже не уловить
Тот поезд, на который опоздали.
Наш путь земной не сможем повторить,
С ним нужно быть быстрей, чем с поездами.

Проклятые вопросы разрешить
Спеши сейчас: зачем? куда? откуда?
Где был когда-то? Где когда-то буду?
Назойливое «быть или не быть»...

И есть ответ, его найти нетрудно.
Он не сокрыт Создателем подспудно.
Им нужно только очень дорожить.

И очень жаждать вечного сиянья,
Искать его, как тайну обитанья,
Тот вечный смысл, которым нужно жить.

7

ТОТ ВЕЧНЫЙ СМЫСЛ, КОТОРЫМ НУЖНО ЖИТЬ

Тот вечный смысл, которым нужно жить,
Перед которым все теряет силу,
Ищи его, как жизненную нить,
И без него не принимай могилу.

Сметай с пути, что может тормозить
Насущнейший у человека поиск,
Как снег метет перед собою поезд,
Чтобы домчаться, довезти, дожить...

Как женщина все комнаты мела,
Пока из отдаленного угла
Не показалась ценная монета,

Так ты мети все с твоего пути,
Что суть мешает уловить, найти.
Лови, пока в руках Земля-планета.

8
ЛОВИ, ПОКА В РУКАХ ЗЕМЛЯ-ПЛАНЕТА

Лови, пока в руках Земля-планета,
Потерянный в греховной чаще путь.
В пределы жизни, как в предел сонета,
Заложена Божественная суть.

Ты все второстепенное забудь,
Каким тугим ни было б напряженье.
Без истинного смысла достиженья
Душа нигде не сможет отдохнуть.

Несется время на громадных крыльях,
И нас несет, безвольных и бессильных,
И как там ни цепляйся, ни держись,

Оно уносит в дальние просторы –
За реки, за леса, за горы...
О, как кратка ничтожно наша жизнь!

9
О, КАК КРАТКА НИЧТОЖНО НАША ЖИЗНЬ!

О, как кратка ничтожно наша жизнь!
Проникнуться бы нам вот этой мыслью.
Не браться строить жизни этажи,
А устремиться в поиски за смыслом.

Открыть страницы книги Бытия,
И прочитать, что было от начала,
Когда Земля еще во тьме молчала,
А в замысле уж были ты и я.

И время было там засечено.
Тебе и мне отсчитано оно.
Начерчена в пределах сроков жизнь.

И смысл ее заложен в тех пределах.
Ищи ж его настойчиво и смело.
Успей, во время данное вложись!

10

УСПЕЙ, ВО ВРЕМЯ ДАННОЕ ВЛОЖИСЬ!

Успей, во время данное вложись!
Какой должна быть целеустремленность!
Как мигом каждым нужно дорожить!
Какой должна быть в Истину влюбленность!

А мы проводим время так и сяк.
Гордимся тем, что время убиваем.
Друг друга вокруг пальца обвиваем,
В пустых беседах ссорясь за пустяк.

О многом суетимся в простоте,
Невежестве своем и пустоте,
И осуждении друг друга строгом.

А надо б только главное успеть,
Ему служить, его питать и греть,
Упустим время – потеряем много...

11

УПУСТИМ ВРЕМЯ – ПОТЕРЯЕМ МНОГО

Упустим время – потеряем много,
Так много, что словами не сказать.
Не слышал слух того, не видели глаза,
Не выразить того сонета слогом.

Мы в землю смотрим, ходим носом вниз,
А в небесах орлы парят над нами.
Мы ж видим, в лучшем случае, карниз,
Не увлекаясь слишком небесами.

Как будто стыдно думать о небесном.
И говорить о том неинтересно,
Что где-то Путь есть, Истина, и Жизнь.

Но это правда! Правды не стыдятся.
К ней рвутся, добиваются, стремятся.
Стремися ввысь, всегда стремися ввысь!

12
СТРЕМИСЯ ВВЫСЬ, ВСЕГДА СТРЕМИСЯ ВВЫСЬ!

Стремися ввысь, всегда стремися ввысь!
О горнем помышляй, о самом вышнем.
И говорить об этом не стыдись.
Пусть голос твой повсюду будет слышным.

Молчание предательству равно,
Измене в жизни самому святому.
Дух рвется к небу, как к родному дому.
Не закрывай священное окно!

Оно открыто каждому, кто ищет.
Пусть гром гремит, пусть злые бури свищут,
Неутомимо устремляйся ввысь!

О, благородство поиска благого!
Нет выше и достойнее другого.
Ищи святого, к Истине стремись!

13

ИЩИ СВЯТОГО, К ИСТИНЕ СТРЕМИСЬ!

Ищи святого, к Истине стремись!
Не распыляй себя по белу свету.
Отдайся благородному сюжету.
Не обходи его, не сторонись.

Не будь безвольно слабым, как Пилат,
Кто, Истине в упор в глаза взирая,
Решает, чтоб Невинный был распят,
Перед толпою руки умывая.

Хотя порой и трудно избирать,
Еще труднее будет умирать
Тому, кто избирал не слишком строго.

И потому решай, пока есть час.
Ты не сомкнул еще навеки глаз.
Весь смысл жизни – в нахожденье Бога!

14

ВЕСЬ СМЫСЛ ЖИЗНИ – В НАХОЖДЕНЬЕ БОГА!

Весь смысл жизни – в нахожденье Бога!
И к этому тебя ведет, ведет
Евангельская узкая дорога,
Пока к конечной цели приведет.

«Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь», –
Сказал Христос. Как твердо это слово!
И если сердце воспринять готово,
Прими Его сейчас, не откажись!

Мы отцветаем травкой полевою.
Подует ветер – нету нас с тобою.
И больше не вернемся НИКОГДА!

И, может, потому, что так все тленно,
Так быстро все проходит во Вселенной,
Сонета слог меня манит всегда.

15
СОНЕТА СЛОГ МЕНЯ МАНИТ ВСЕГДА

Сонета слог меня манит всегда,
Как ультиматум мне беспрекословный,
Как точка в темном небе, как звезда,
Кольцо, в котором тесно, но не больно.

Сонета слог быстрее, чем ракета,
Умчится вдаль, уже не уловить.
Тот вечный смысл, которым нужно жить,
Лови, пока в руках Земля-планета.

О, как кратка ничтожно наша жизнь!
Успей, во время данное вложись!
Упустишь время – потеряешь много.

Стремися ввысь, всегда стремися ввысь!
Ищи святого, к Истине стремись!
Весь смысл жизни в нахожденье Бога!

СОДЕРЖАНИЕ

